

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

УДК 821.111 (411) “19” – 31.0 (043.5)

**РОГАЧЕВСКАЯ
МАРИНА СТАНИСЛАВОВНА**

**НОВЫЕ ФОРМЫ ПСИХОЛОГИЗМА
В БРИТАНСКОМ РОМАНЕ XX ВЕКА**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук
по специальности 10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(английская)

МИНСК, 2018

Научная работа выполнена в Белорусском государственном университете

**Научный
консультант**

Рейнгольд Наталья Игоревна,
доктор филологических наук, PhD in English, заслуженный профессор, заведующий кафедрой теории и практики перевода Института филологии и истории Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет»

**Официальные
оппоненты:**

Проскурнин Борис Михайлович,
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой литературы и культуры, декан факультета современных иностранных языков и литератур Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Мусиенко Светлана Филипповна,
доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»

Гугнин Александр Александрович,
доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры мировой литературы и иностранных языков учреждения образования «Полоцкий государственный университет»

**Оппонирующая
организация** Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова»

Защита состоится 2 марта 2018 г. в 14.00 на заседании совета по защите диссертаций Д 02.01.12 при Белорусском государственном университете по адресу: 220030, г. Минск, ул. К. Маркса, 31, ауд. 62; e-mail: phyl@bsu.by; телефон ученого секретаря: 327-63-78.

С диссертацией можно ознакомиться в Фундаментальной библиотеке Белорусского государственного университета.

Автореферат разослан ____ января 2018 г.

Ученый секретарь
совета по защите диссертаций

Н. Н. Хмельницкий

ВВЕДЕНИЕ

На фоне широкой литературной проблематики концепция человека, ценность личности, эстетизация индивидуального сознания в общечеловеческом универсуме никогда не отступали на задний план для британских авторов. Данная тенденция находит отклик и в мировом художественном и академическом дискурсе. В силу усложненности форм художественного воплощения психологического содержания британский роман XX в. нуждается во всестороннем исследовании как феномен универсальной гуманистической и постгуманистической культуры, как образец мастерского освоения языка, ставшего вторым после родного для множества людей во всем мире.

Исследование психологизма британского романа XX в. раскрывает сущностные основы человеческого сознания (и роль бессознательного), ставшего самостоятельным проблемным полем для изучения гуманитарными науками только в век глобальных потрясений и научных достижений.

История изучения художественного психологизма представлена работами А. Н. Андреева, Л. Я. Гинзбург, А. Б. Есина, Н. В. Забабуровой, О. Б. Золотухиной, А. Н. Иезуитова, В. В. Компанейца, Б. М. Проскурнина, А. П. Скафтымова, И. В. Страхова, В. Е. Хализева и др. Исследования показывают, что интерес писателей к личностному началу способствовал развитию форм психологизма, которые оказываются исторически подвижными в связи с постепенным обогащением художественных средств психологического изображения, углублением понимания феномена человека.

В поздней античности изображались лишь видимые и самые значительные эмоции. В Средневековье посредством «исповедальных» жанров приоткрывался доступ к внутреннему миру, предопределенному поиском морального самосовершенствования, через рефлексию и физиологизм формировался аналитический процесс в изображении конфликтующего сознания. В эпоху Возрождения произошло становление психологического романа. Классицизм артикулировал разделение разума и страстей. Сентиментализм и романтизм на рубеже XVIII–XIX вв. стали плодотворной стадией психологизма, а в XIX в. выработались его романтический и реалистический типы. Принципом последнего была убежденность в познаваемости психологии человека. Противоречия и алогизмы сознания были осмыслены позже, на рубеже XIX–XX вв., когда акцентировались динамичность изображения душевного мира, усиление роли читателя, а также ряд экстралитературных факторов (особенно развитие психологии). Начиная с модернизма, психологизм реализовался в романе посредством смещения фокуса с внешнего на внутреннее, субъективное. В XX в. психология, психоанализ (У. Джеймс, З. Фрейд, К. Г. Юнг и др.), нейробиология и другие науки сыграли большую роль в развитии художественного психологизма.

Эволюция романа Великобритании XX в. отражена в ряде научных работ, однако динамика психологизма рассматривалась лишь эпизодически и преимущественно на основе произведений первой половины столетия. Этот пробел, а также ряд следующих факторов, обусловили **актуальность** настоящего исследования: а) психологизация британского романа в указанный период нуждается в углубленном изучении и осознании; б) новые формы психологизма, выявление художественных средств реализации этой категории требуют современной методологии и учета исторического контекста; в) анализ способов воплощения в литературном тексте человеческого сознания неизменно способствует интеллектуальной гибкости, общегуманистической эмпатии, межкультурному диалогу; г) в настоящий момент белорусскому литературоведению (в данном контексте – в изучении английской литературы) недостает исследовательских данных о художественном процессе как динамичном целом с опорой на основополагающие его категории, каковой является и психологизм.

Динамика этого явления в британском романе XX в. прослеживается в диссертации на трех основных этапах: 1910–30 гг.; 1950–70 гг.; 1980–90 гг. Исследование проводилось на материале романов, отражающих эволюцию личности на протяжении XX в. под воздействием открытий в науках о человеке и онтологических факторов. В данной работе ключевое внимание уделяется авторам, чьи романы стали объектом исследования: Вирджиния Вулф (1882–1941), Дэвид Герберт Лоуренс (1885–1930), Герберт Рид (1893–1968), Айрис Мердок (1919–1999), Иэн Макьюэн (р. 1948), Пэт Баркер (р. 1943), Дэвид Лодж (р. 1935), Джонатан Коу (р. 1961). В их творчестве отразились интенсивные размышления над психологией героя, разработаны способы изображения процессов сознания и бессознательного, представлены исключительно новые для литературы психологические состояния, не до конца изученные наукой. Указанные авторы внесены в учебные вузовские программы, а П. Баркер, А. Мердок, И. Макьюэн – обладатели главной литературной премии Великобритании – Букеровской. Писатели, ставшие объектом исследования, – знаковые фигуры литературного процесса, они представляют своим творчеством определенные этапы эволюции в развитии художественного психологизма в XX в.

Объектом научного анализа стали романы «Комната Джейкоба» (1922) и «Миссис Дэллоуэй» (1925) В. Вулф; «Сыновья и любовники» (1913), «Влюбленные женщины» (1920), «Любовник леди Чаттерли» (1928) и новелла «Уехавшая верхом» (1928) Д. Г. Лоуренса; «Зеленое дитя» (1935) Г. Рида; «Отрубленная голова» (1961), «Святая и греховная машина любви» (1974) и «Школа добродетели» (1985) А. Мердок; «Утешение странников» (1981), «Черные псы» (1992) и «Невыносимая любовь» (1997) И. Макьюэна; «Возрождение» (1991), «Глазок в двери» (1993) и «Дорога призраков» (1995) П. Баркер; «Дом сна»

(1997) Дж. Коу и «Думают...» (2001) Д. Лоджа. Вспомогательным объектом исследования стали эссеистика указанных писателей и некоторые другие произведения иных авторов.

В объекте исследования выявлено новаторское художественное освоение психологии индивида (иногда массового сознания), позволяющее проследить динамику психологизма: от функционирования его в качестве основного художественного принципа в модернистской литературе до трансформации в сложную многоуровневую категорию в конце XX в. под влиянием постмодернистской концепции личности, в связи с развитием наук (нейробиологии, когнитивной психологии и др.) и осознанием новых онтологических проблем – теории травмы, экологического мировоззрения и др.; от функции изображения и эмпирической интерпретации психологии персонажа к философскому и научному ее осмыслению; от фокусирования на единичном к созданию картины массового сознания; от типического к экстраординарному.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Связь работы с научными программами (проектами), темами

Исследование осуществлялось в рамках нескольких комплексных государственных тем: **1.** «Палілог літаратур: сацыякультурны кантэкст, праблемна-тэматычнае поле, жанрава-стылёвая разнастайнасць» (2011–2015, № 20113920) – кафедра зарубежной литературы БГУ; **2.** «Праблемы функцыянавання сучаснай беларускай літаратуры ва ўмовах глабалізацыі, рынку, масавай культуры» (2006–2010, № 2006.826) в рамках ГПФИ «Белорусский язык и литература в контексте развития современного общества, их связи и взаимодействия с другими языками и мировым литературно-художественным процессом» – кафедра белорусского языка и литературы МГЛУ; **3.** «Тенденции развития современной зарубежной прозы: проблемы нарратива, жанра, героя» (2006–2011, № 20071086) – кафедра зарубежной литературы МГЛУ; **4.** «Жанровые трансформации в современной белорусской и зарубежной литературах» (2011–2013, № 20111794) – кафедра зарубежной литературы МГЛУ; **5.** «Экалагічны імператыў у беларускай літаратуры XX–XXI стагоддзяў» (2011–2013, № 2011.17.97) в рамках ГПФИ «Беларуская мова і літаратура ў кантэксте цывілізацыйнага развіцця РБ: гісторыя, сучасны стан, тэндэнцыі» – кафедра белорусского языка и литературы МГЛУ; **6.** «Мир природы и ценности цивилизации в современной зарубежной и белорусской литературах» (2012–2016, № 20122022) – кафедра зарубежной литературы МГЛУ.

Цель и задачи исследования

Цель исследования – выявление новых форм в парадигме художественного психологизма на разных этапах развития британского романа XX в. в связи

с влиянием научных знаний, эволюцией концепции личности и постановкой писателями проблем сознания.

Задачи исследования:

1) систематизировать теоретические наработки по проблеме художественного психологизма; выделить типологию и уровни его функционирования;

2) выработать опорную парадигму форм психологизма на различных уровнях в британском модернистском, неомодернистском и постмодернистском романах XX в.; обосновать феноменологические, аналитические, концептуальные и рецептивные формы психологизма;

3) определить способы заимствования и трансформации научного знания (психологии, психоанализа, смежных наук) в художественных произведениях (объекте исследования);

4) охарактеризовать развитие психологизма британского романа XX в. в контексте эпистемологии сознания;

5) выявить индивидуально-авторские формы психологизма, синтезированные на стилистическом, характерологическом, методологическом и рецептивном уровнях в избранных романах В. Вулф, Д. Г. Лоуренса, Г. Рида, А. Мердок, И. Макьюэна, П. Баркер и некоторых других авторов;

6) установить преемственность форм психологизма в британском романе XX в., проследив сходные феноменологические, аналитические и концептуальные формы в творчестве разных авторов;

7) определить тенденции в эстетизации личностного содержания в британском романе XX в.; выявить отдельные типологические связи с белорусской литературой;

8) раскрыть суть изменения в концепции личности в британском романе XX в. на основании художественно-психологического ее воплощения.

Объект исследования: 18 романов и эссеистика британских писателей XX в.: В. Вулф, Д. Г. Лоуренса, Г. Рида, А. Мердок, И. Макьюэна, П. Баркер, Д. Лоджа, Дж. Коу.

Предмет исследования: формально-содержательные аспекты категории художественного психологизма, его новые формы.

Методы исследования. В диссертационном исследовании используется комплексный подход, включающий герменевтический, рецептивный, психоаналитический, культурно-исторический методы, приемы лингвостилистического и контрастивного анализа.

Научная новизна исследования. Впервые в отечественной науке исследована динамика форм психологизма как открытой категории и выработана их опорная парадигма в британском романе XX в. Усовершенствована методология психоаналитической и рецептивной критики, уточнен терминологический аппарат и литературоведческий инструментарий для анализа психологических

аспектов произведений, толкования тенденций, эволюции и перспектив развития литературы Великобритании. Предложена новаторская концепция форм психологизма в романах британских авторов. Творчество Г. Рида и П. Баркер в рамках диссертационного исследования в Беларуси изучено впервые. Проведен многоуровневый анализ предмета исследования на материале 18 британских романов XX в., которые впервые комплексно представлены в контексте научного модуса и эпистемологии сознания. В творчестве избранных авторов определены новые формы психологизма: феноменологические, аналитические, концептуальные и рецептивные. В работе представлены результаты анализа отдельных произведений в типологической соотнесенности британской и белорусской литератур.

Положения диссертации, выносимые на защиту

1. Психологизм – это открытая категория литературоведения, характеризующая степень и способы воплощения психологии характеров и общую эмоциональную атмосферу произведения. Анализ психологии литературного героя и ее воздействия на читателя позволяет выделить несколько уровней функционирования категории «психологизм»: уровень стилистической и нарративной реализации, уровень характерологии, методологический уровень, соотносимый с задачами и направленностью психологизма (изображение, анализ или концептуализация психологии персонажей и форм сознания), и рецептивный уровень (воздействие на воспринимающее читательское сознание). Под влиянием художественных и экстралитературных факторов вырабатываются формы психологизма, которые представляют собой систему разноуровневых средств выражения психологического содержания, создающих особое психологическое пространство произведения. При относительной устойчивости приемов психологического изображения на стилистическом (нарративном) уровне, психологизм на характерологическом, методологическом и рецептивном уровнях динамичен и подвижен в связи с более глубоким осмыслением феномена человека.

2. Толчком к эволюции психологизма британской прозы в первой трети XX в. послужило интенсивное развитие и популяризация психологии как науки (и психоанализа как ее раздела). Это выразилось в инкорпорировании научного знания в художественную систему и в расширении феноменологического психологизма с использованием новых способов психологического изображения. Феноменологические формы психологизма дополняются научно-аналитическими и концептуальными. Авторы второй половины XX в. пересмыслили теории психоанализа, а также внедрили в произведения знания из когнитивной психологии, нейробиологии, других смежных наук. Психологизм в британских романах XX в. включает эпистему сознания, которое в реальности подверглось значительной трансформации в результате влияния Первой мировой войны, социальных преобразований, проблем экологии, прогресса науки и

технологии, интереса к маргинальному. В художественных произведениях в контексте модернистской, неомодернистской и постмодернистской концепции личности оформились исторически обусловленные концептуальные формы психологизма – модели травматического, экологического, мистического, маргинального, телесного сознания. Эпистема сознания и научно-аналитический психологизм стали жанровой доминантой «романа сознания».

3. В английском модернистском романе были разработаны новые индивидуально-авторские феноменологические формы психологизма, которые в дальнейшем получили развитие и совершенствовались в творчестве британских писателей второй половины XX в. Новаторство экспериментальных романов В. Вулф, в частности, состоит в «точечной» форме психологизма, которая создана особым синтезом различных способов психологического изображения стилистического уровня, фигур наррации и попыткой выразить бессознательное. Особые художественные приемы, дискурсивная стратегия использования научных знаний и образа травмированного сознания помогают реализовать концептуальную форму психологизма – художественную модель травматического и маргинального сознания.

4. Постулирование Д. Г. Лоуренсом приоритета внутреннего мира над внешним выразилось в создании определенной культуры эмоционального переживания, включившей в себя процессы интроспекции и саморефлексии, разработку концепта бессознательного и отличающейся изображением многоуровневой личности. Концептуальными формами психологизма в прозе Д. Г. Лоуренса можно считать телесную и «калейдоскопическую» художественные модели сознания. Телесный психологизм выходит за рамки приема психологического изображения и оформляется в концепцию. «Калейдоскопический» психологизм отличается «немонологической» перспективой. В прозе писателя заложены основы художественной модели экологического сознания. Авторское воплощение феномена двойничества в романах выходит за границы архетипа и высвечивает его многогранную психологическую сущность.

5. Творческий эксперимент Г. Рида – это прогресс в развитии психологизма, который становится синтезным, отделяется от принципа эмпиризма и включает в романе «Зеленое дитя» новаторские формы: интеллектуально-философскую и научно-аналитическую. Первая реализуется через художественные приемы романа идей, вторая – через интертекстуальную связь с психоанализом. Прозу Г. Рида можно считать прецедентной для дальнейшего развития аналитической линии психологизма в британском романе второй половины XX в.

6. Психологизм английского романа середины XX в., представленный в творчестве А. Мердок, приобретает саморефлексивный характер. Философско-психологический роман как результат жанровой гибридизации обогатил психологизм интенсивным авторским комментарием с опорой на рефлекслирующее

сознание различных фигур наррации. Интерес А. Мердок к сознанию в его связи с бессознательным художественно выражен в субъективном раскрытии внутреннего состояния индивида. Интеллектуально-философская и научно-аналитическая формы психологизма романов автора отличаются избыточной рефлексией, пародированием психоаналитического дискурса, использованием психоаналитического интертекста. Внедрение в сюжет героя-психоаналитика (характерологический уровень) способствует дальнейшей эволюции научно-аналитической формы психологизма.

7. Художественный психологизм британского романа последней трети XX в. представляет собой синтез различных форм, которые, кристаллизуясь в литературном процессе, видоизменяются под воздействием новых открытий в психологии и смежных науках, а также в связи с формированием постмодернистской концепции личности. Синкретичный характер психологизма в романах И. Макьюэна реализуется посредством критического переосмысления научных знаний в тесной связи с эстетической тематикой и обращением к мистике и иррациональному. В его романах функционируют научно-аналитическая форма психологизма и синкретичные концептуальные формы – художественная модель национальной идентичности, «черный» психологизм, синтез рациональной и иррациональной художественных моделей сознания. Творческим принципом в развитии писателем психологической прозы стал «эмоциональный реализм». Новые рецептивные формы включают психологизм шока, эмпатии, апеллирования к междисциплинарным знаниям.

8. Психологизм в военных романах П. Баркер развивается, следуя принципу «точечности», образуя концептуальные формы: травматическую и телесную модели сознания. На характерологическом уровне также созданы образы психоаналитика, носителей военного невроза (травмы), образ-характер трансформирован в образ-имаго. Научно-аналитический психологизм произведений П. Баркер основан на принципе документальности и миметическом воплощении психоаналитического дискурса и теорий психоанализа З. Фрейда. Постмодернистская концепция личности, в которой размываются оппозиции «мужское – женское», «рациональное – иррациональное», «больное – здоровое» и др., также реализована в особой научно-аналитической форме психологизма в романах Дж. Коу и Д. Лоджа. В их романах получили отражение новейшие теории сознания, психоанализ Ж. Лакана, гендерная проблематика.

Личный вклад соискателя ученой степени. Диссертация является результатом самостоятельного исследования. Диссертантом проанализированы научные работы зарубежных и отечественных ученых по вопросам психологизма как литературоведческой категории, исследования по истории литературы Великобритании XX в. и труды междисциплинарного характера о связи психологии и художественной литературы. Изучены работы, посвященные

творчеству В. Вулф, Д. Г. Лоуренса, Г. Рида, А. Мердок, И. Макьюэна, П. Баркер и др. Выполнен перевод англоязычных цитат из художественных текстов, интервью с писателями и научных работ зарубежных ученых. Предпринят комплексный анализ психологизма в художественной прозе писателей, основанный на герменевтическом, культурно-историческом, психоаналитическом и рецептивном методах литературоведения. Статьи и монографии написаны без соавторов. В учебные пособия, созданные в соавторстве, включены авторские главы.

Апробация диссертации и информация об использовании ее результатов. А) Промежуточные и итоговые результаты исследования были представлены на международных и республиканских научных конференциях: 1–12) ежегодная науч. конференция преподавателей и аспирантов МГЛУ «Дни науки» (2004–2015 гг.); 13) Междунар. науч. конференция «Проблемы современного зарубежного литературоведения и искусствознания» (Украина, г. Севастополь, СевНТУ, 20–23 сентября 2004 г.); 14) Междунар. науч. конференция «Texts and Contexts: Transformations» (Литва, г. Каунас, Вильнюсский ун-т, 13–14 октября 2005 г.); 15) Междунар. науч. конференция «The Poetics of Movement and Travel in D. H. Lawrence» (Франция, г. Париж, Нантерский ун-т, 31 марта – 1 апреля 2006 г.); 16) Респ. науч. конференция «Сучасны літаратурны працэс: пісьменнік і жыццё» (г. Минск, НАН РБ, Інстытут літаратуры, 11 мая 2006 г.); 17) Междунар. науч. конференция «Преподавание английского языка и смежных дисциплин» (г. Минск, МГЛУ, 16–18 ноября 2006 г.); 18) Междунар. науч. конференция «Literatures in English in the Context of (Post)-Colonialism, Postmodernism and the Present» (Словакия, г. Прешов, Прешовский ун-т, 21–22 ноября 2006 г.); 19) Межкафедральный круглый стол «Постклассическая стилистика и дискурсивный анализ текста» (г. Минск, МГЛУ, 14 декабря 2006 г.); 20) Междунар. науч. конференция «D. H. Lawrence: Singular or Plural?» (Франция, г. Париж, Нантерский ун-т, 29–31 марта 2007 г.); 21) Пятая Междунар. литературоведческая конференция «Русская, белорусская и мировая литература: история, современность, взаимосвязи» (г. Полоцк, ПГУ, 12–14 апреля 2007 г.); 22) Междунар. науч. конференция «Post-Colonial Transformations in the New Literatures in English» (Словакия, г. Прешов, Прешовский ун-т, 8–9 июня 2007 г.); 23) Междунар. науч. конференция «Return to Eastwood» (Англия, г. Ноттингем, Ноттингемский ун-т, 16–21 августа 2007 г.); 24) Респ. науч. Конференция «Актуальные вопросы германской филологии и методики преподавания иностранных языков» (г. Брест, БрГУ, 14 марта 2008 г.); 25) Междунар. науч. конференция «Power, Creativity and the Law» (Франция, г. Париж, Нантерский ун-т, 9–13 марта, 2008 г.); 26) Междунар. науч. конференция «Преподавание английского языка: прошлое, настоящее и будущее» (г. Минск, МГЛУ, 14–15 октября 2008 г.); 27) Междунар. науч. конференция «On the Borders of Convention» (Черногория, г. Никшич, Черногорский ун-т, философский

факультет, 29 октября – 1 ноября 2008 г.); 28) Межкафедральный круглый стол «Постклассическая стилистика и дискурсивный анализ текста» (г. Минск, МГЛУ, 11 декабря 2008 г.); 29) Междунар. науч. конференция «Мужское и мужественное в современной культуре» (РФ, г. Санкт-Петербург, СПГУ, 4–6 марта 2009 г.); 30) Междунар. науч. конференция «The Logic of Emotion in D. H. Lawrence's Work» (Франция, г. Париж, Нантерский ун-т, 26–28 марта 2009 г.); 31) Междунар. науч. конференция «Crossing the Borders – Transgressing the Boundaries» (Словакия, г. Прешов, Прешовский ун-т, 26–27 октября 2009 г.); 32) IV Междунар. науч. конференция «Национально-культурный компонент в тексте и языке» (г. Минск, МГЛУ, 3–5 декабря 2009 г.); 33) Междунар. науч. конференция «Language and Languages» (Франция, г. Париж, Парижский ун-т Нантер-Уэст, 25–27 марта 2010 г.); 34) Междунар. науч. конференция «Facing the Other in the Absence of Theory» (Черногория, г. Никшич, Черногорский ун-т, 30 сентября – 2 октября 2010 г.); 35) 40-я Междунар. филологическая конференция (РФ, г. Санкт-Петербург, СПГУ, 14–19 февраля 2011 г.); 36) Междунар. конференция «D. H. Lawrence and the Discontents of Civilization» (Франция, г. Париж, Парижский ун-т Нантер-Уэст, 31 марта – 2 апреля 2011 г.); 37) Междунар. науч. семинар «Слово – Текст – Контекст» (г. Полоцк, ПГУ, 6–7 мая 2011 г.); 38) 20-я Междунар. науч. конференция «Тенденции развития современной зарубежной прозы: проблемы нарратива, жанра, героя» (г. Минск, МГЛУ, 13–14 мая, 2011 г.); 39) 7-я Междунар. конференция «Voicing the Alternative» (Черногория, г. Никшич Черногорский ун-т, 22–24 сентября 2011 г.); 40) 10-я Междунар. науч. конференция «Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай» (г. Минск, БГУ, 6–7 октября 2011 г.); 41) Междунар. науч. конференция «D. H. Lawrence, his contemporaries and the Great War» (Франция, г. Аррас, ун-т Артуа, 12–14 апреля 2012 г.); 42) Междунар. науч. конференция «Универсальное и национальное в культуре» (г. Минск, БГУ, Гуманитарный факультет, 20–21 апреля 2012 г.); 43) Междунар. научно-методологический семинар «Филологические дисциплины в университетском образовании: наука, методология, методика» (г. Полоцк, ПГУ, 4–5 мая 2012 г.); 4) Междунар. науч. конференция «Из истории переводческой мысли» (РФ, г. Москва, РГГУ, 13–15 сентября 2012 г.); 45) Междунар. симпозиум «Lake Garda: Gateway to D. H. Lawrence's Voyage to the Sun» (Италия, г. Гарньяно, Миланский ун-т, 18–23 сентября 2012 г.); 46) XXII Междунар. конференция РАПАЛ «Проблема национального глазами Старого и Нового света» (г. Минск, МГЛУ, 26–28 сентября 2012 г.); 47) Междунар. науч. конференция Белорусской ассоциации преподавателей английского языка (г. Минск, МГЛУ, 15–17 ноября 2012 г.); 48) V Юбилейная Междунар. науч. конференция, посвященная памяти профессора С. М. Прохоровой (г. Минск, МГЛУ, 6–7 декабря 2012 г.); 49) Междунар. науч. конференция «Education and Culture(s)» (Франция, г. Париж, ун-т Пари-Уэст, 4–6 апреля

2013 г.); 50) Международный научно-методологический семинар «Поиски оптимальной методологии литературоведческих исследований: перспективы историко-контекстуального и других подходов к изучению литературы и языка» (г. Полоцк, ПГУ, 10–11 мая 2013 г.); 51) Междунар. науч. конференция «Магия ИННО: Новые технологии в языковой подготовке специалистов-международников» (РФ, г. Москва, МГИМО, 4–5 октября 2013 г.); 52) XI Междунар. науч. конференция «Славянскія літаратуры ў кантэксте сусветнай: да 900-годдзя Кірылы Тураўскага і 200-годдзя Тараса Шаўчэнкі» (г. Минск, БГУ, 24–26 октября 2013 г.); 53) I Междунар. науч. конференция «Контрастивные исследования языков и культур» (г. Минск, МГЛУ, 29–30 октября 2013 г.); 54) XXII Междунар. науч. конференция «Творческая личность в культуре и литературе Америки и Европы» (г. Минск, МГЛУ, 18–19 ноября 2013 г.); 55) Междунар. науч. конференция «Time and Temporality» (Франция, г. Париж, ун-т Пари-Уэст, 3–5 апреля 2014 г.); 56) XXIII Междунар. науч. конференция «Мир природы и проблемы цивилизации в современной литературе и культуре» (г. Минск, МГЛУ, 24–25 апреля, 2014 г.); 57) 13-я Междунар. науч. конференция «D. H. Lawrence: New Life, New Utterance, New Perspectives» (Италия, г. Гарньяно, Миланский ун-т, 22–27 июня 2014 г.); 58) Междунар. семинар «Современная британская литература в учебном процессе в российских вузах» (РФ, г. Пермь, Пермский государственный университет, 16–17 сентября 2014 г.); 59) Междунар. науч. конференция «Першая сусветная вайна ў народнай памяці і мастацкім адлюстраванні» (г. Минск, НАН РБ, Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, 7–8 октября 2014 г.); 60) Междунар. науч. конференция «Контрастивные исследования и прикладная лингвистика» (г. Минск, МГЛУ, 29–30 октября 2014 г.); 61) XI Междунар. науч. конференция «Преподавание английского языка и литературы: текст и контекст» (г. Минск, МГЛУ, 13–15 ноября 2014 г.); 62) Междунар. науч. конференция «D. H. Lawrence among Women» (Франция, г. Париж, ун-т Пари-Уэст Нантер ля Дефанс, 9–11 апреля 2015 г.); 63) Междунар. науч. конференция «Культура и литература в эпоху постиндустриализма и гуманитарного кризиса» (г. Минск, МГЛУ, 14–15 мая 2015 г.); 64) XII Междунар. науч. конференция «Славянскія літаратуры ў кантэксте сусветнай» (г. Минск, БГУ, 22–24 октября 2015 г.); 65) XIII Междунар. научно-практическая конференция «Иностранные языки и литературы в контексте культуры», посвященная 100-летию Пермского государственного научно-исследовательского университета (РФ, г. Пермь, 19 апреля 2016 г.); 66) II Междунар. науч. конференция «Соловьевские чтения – 2016» (г. Минск, МГЛУ, 14–15 апреля 2016 г.); 67) Междунар. науч. конференция «Культура и литература Америки и Европы: взгляд из XXI века» (г. Минск, МГЛУ, 12–14 мая 2016 г.); 68) Междунар. науч. конференция «Outside England... Far off from

the World» (Великобритания, г. Сент Айвз, 12–14 сентября 2016 г.); 69) Междунар. науч. конференция «Беларуская мова, літаратура, культура і свет: праблемы рэпрэзентацыі» (г. Минск, МГЛУ, 3–4 ноября 2016 г.); 70) XII Междунар. науч. конференция «English Language and Literature in the Context of the 21st-century Reality» (г. Минск, МГЛУ, 10–12 ноября 2016 г.); 71) Междунар. науч. конференция «The Relative and the Absolute» (Франция, г. Париж, ун-т Пари-Нантер, 30 марта – 1 апреля 2017 г.); 72) Междунар. науч. конференция «Интертекстуальность, междисциплинарность и межкультурализм в литературе и культуре Америки и Европы» (г. Минск, МГЛУ, 13–15 мая 2017 г.). **Б)** Результаты используются в курсах лекций по дисциплинам «Современный зарубежный роман в контексте времени»; «Тенденции развития современной зарубежной литературы»; «Мировая литература».

Опубликованность результатов диссертации. Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в 60 публикациях: 2-х монографиях общим объемом 29 а. л., 34 статьях общим объемом 17,4 а. л., в т. ч. 26 статьях в научных и научно-теоретических журналах, рекомендованных ВАК, и зарубежных рецензируемых сборниках научных статей (14 а. л.), 8 статьях в других научных сборниках (3,4 а. л.), 20 материалах научных конференций (6,3 а. л.), 4 разделах в учебных и учебно-методических пособиях.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из глоссария, введения, общей характеристики работы, трех глав, заключения, библиографического списка, приложения. Общий объем диссертации составляет 299 с., основной текст размещен на 245 с., библиографический список занимает 42 с. (количество использованных библиографических источников – 621, из них 389 на иностранных языках; количество источников, принадлежащих автору диссертации, – 60), приложение составляет 12 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

В главе 1 «**Психологизм как литературоведческая категория и его функционирование в конкретно-историческом контексте**» рассматриваются общетеоретические аспекты психологизма и историко-литературный контекст его функционирования – британский роман XX в. В разделе 1.1 «**Типология и составляющие категории “психологизм”**» упорядочена классификация способов / приемов психологического изображения; разработаны новые термины и понятия в качестве научного инструментария для анализа художественного психологизма. В частности, отмечается, что литературоведческие разработки проблемы активизировались во второй половине XX в., однако до сих пор отсутствуют труды историко-типологического характера в контексте XX в.

Проблема разрабатывалась А. Н. Андреевым, Л. С. Выготским, Л. Я. Гинзбург, А. Б. Есиным, Н. В. Забабуровой, О. Б. Золотухиной, В. В. Компанейцем, А. П. Матрунёнком, Б. М. Проскурниным, А. П. Скафтымовым, Л. И. Тимофеевым, В. Е. Хализевым, А. Яскевичем. Общегуманитарные вопросы психологизма исследованы М. М. Бахтиным и Е. М. Мелетинским. «Психологизм» традиционно рассматривается как изображение внутреннего мира персонажа и сводится почти исключительно к набору художественных средств и особому принципу их организации, что делает его объективной составляющей поэтики текста. Мы определяем *уровень стилистической реализации* психологизма и *уровень характерологии* в качестве основополагающих. Внутренняя система художественных средств, образов, типов / моделей характеров, структур личности может быть направлена на решение различных художественных задач: изображение (*феноменологический психологизм*), анализ – эмпирический, философский или научный (*аналитический психологизм*), а также выработку концепции личности и модели сознания (*концептуальный психологизм*). Данный уровень мы называем *методологическим*. В XX в. художественное осмысление вопросов сознания актуализирует более тесную связь между вымышленной личностью и читателем. На этом основан *рецептивный* уровень психологизма – оценка воздействия текста на читательское сознание. *Психологизм* в результате определен как объективно-субъективная, открытая и исторически подвижная категория, которая характеризует глубину и способ изображения сознания персонажа, жанрово-стилевое единство произведения с преобладанием в нем элементов душевного содержания над элементами вещного мира и событийности, изображение типа сознания в контексте той или иной концепции личности, а также психологическое воздействие на читателя. *Формы психологизма* определены как система разноуровневых художественных элементов, выражающих конкретное психологическое содержание в произведении. Они связаны с творческим осмыслением писателем психологии личности.

Под *типом* психологизма понимается исторически сложившийся подход к изображению внутренней жизни человека. В литературно-историческом контексте различаются два основных типа психологизма: «абстрактный» (средневековый) и конкретно-исторический – национально и культурно обусловленный (романтический, реалистический, модернистский, постмодернистский).

В отличие от форм психологизма, предлагается обозначить способы / приемы психологического изображения. На стилистическом уровне – *неаналитические прямые способы психологического изображения* (внутренний монолог / внутренняя речь, монолог-размышление, «поток сознания», несобственно-прямая речь), *неаналитические косвенные* (внешняя речь, портрет (физиогномика, телесность), действия, детали пространства, пейзаж, мифологизм, символика,

онейрические описания, суггестивность) и *аналитические способы психологического изображения* (психологический анализ от лица рассказчика, другого персонажа, интроспекция, «суммарно-обозначающая» форма).

Психологизм на уровне характерологии – *художественные модели характеров* – эволюционировал от внешних проявлений психологии до глубинных, от схематичного (средневековье) и типического (реализм) до усложненного и индивидуализированного (модернизм, постмодернизм).

На методологическом уровне выделяются *феноменологические формы* (которые реализуются через стилистический и характерологический уровни), *аналитические и концептуальные*. В парадигме британского романа XX в. переход от изображения, эмпирики анализа к философской и научной форме изображения психологии предлагается рассматривать в качестве новых форм психологизма: *интеллектуально-философской и научно-аналитической*.

На рецептивном уровне важны читательское «*пред-понимание*» и «*риторика текста*» – его способность произвести психологический эффект на читателя. *Рецептивные формы психологизма* – это *гармонизация текстуального и читательского знания* (оправдание / разрушение горизонта ожидания), провоцирование читательской *эмоциональной оценки, эмпатии, апеллирование к междисциплинарным знаниям* о психологии человека (заполнение лакун восприятия) и др.

В качестве методологии исследования избран комплексный подход с опорой на лингвостилистический, герменевтический, психоаналитический и рецептивный методы, включая элементы культурно-исторического, историко-контекстуального анализа. Рецептивные стратегии позволяют шире апеллировать к междисциплинарным знаниям, необходимым для проведения исследования.

В разделе 1.2 «**Научный модус психологизма в британском романе XX века**» рассматривается развитие психологических аспектов романа Великобритании XX в. под воздействием психологии. Наибольшее влияние на литературу оказали «Принципы психологии» (1855) Г. Спенсера, «Психология с эмпирической точки зрения» (1874) Ф. Brentano, «Анализ ощущений» (1886) Э. Маха, «Принципы психологии» (1890) У. Джеймса, труды по глубинной психологии З. Фрейда. Для ряда писателей-модернистов – Д. Ричардсон, К. Мэй, Дж. Джойса, В. Вулф, Д. Г. Лоуренса, Г. Рида – психология личности стала самоценной инстанцией, не исчерпанной конфликтом или психологическим описанием. Произошла трансформация литературного дискурса путем изживания религиозно-мистического и усвоения научного лексикона.

Модернистский роман характеризуется углубленным психологизмом как в феноменологической форме (более широкий диапазон изображения психических процессов и состояний, включая маргинальные), так и в научно-аналитической (использование теорий психоанализа). Влияние психоанализа сказалось

и в распространении психоаналитического романа. Происходит формирование принципиально новой концепции личности – с акцентом на подсознательных процессах. В научный дискурс входит понятие писателя-психолога.

После Второй мировой войны в концепции личности произошли существенные изменения под влиянием науки и техники, что позволило писателям рассматривать сознание как объект художественного изображения, использовать научные знания в характерологии. На развитие английского романа продолжает воздействовать дальнейшее совершенствование антропологических наук: возникает новый виток дебата «двух культур», перешедшего из 1960-х в 1990-е и принявшего облик диалога; писатели внедрились в художественные тексты данные когнитивной психологии, нейробиологии и др., создали героев-психоаналитиков. Этот феномен можно определить как научно-аналитический психологизм.

Художественная модель характера психоаналитика создана в десятках британских романов и наиболее полно разработана в таких произведениях, как «Золотая тетрадь» (1962) Д. Лессинг, «Волхв» (1977) Дж. Фаулза, «Отрубленная голова» (1969), «Святая и греховная машина любви» (1974) и «Школа добродетели» (1985) А. Мердок, «Белый отель» (1981) Д. М. Томаса, «Дом сна» (1997) Дж. Коу, «Возрождение» (1991), «Глазок в двери» (1993) и «Дорога призраков» (1995) П. Баркер. Данная тенденция активно подхвачена на рубеже XX–XXI вв. С. Фолксом, С. Виллерсом, М. Брэггом, Х. Курейши. Эта модель характера – существенная инновация, определяющая формирование научно-аналитической формы психологизма.

В итоге определяется тенденция инкорпорирования научных психологических знаний в романное творчество британских авторов.

В разделе 1.3 **«Эпистемология сознания как содержательная составляющая психологизма в британском романе XX века»** исследован концепт сознания как изменяющаяся эпистема XX в. на примере художественной литературы. Термин «сознание» рассматривается как психическая реальность, сочетающая свойства как памяти, мышления, чувств, так и подсознания, поддающаяся словесному воплощению, связанная с пониманием характера. Литература второй половины XX в. отразила проблемы сознания, не поднимавшиеся ранее, т.к. сказались влияние мировых войн и феномена травмы, экзистенциальный кризис, развитие биологических наук о человеке, антропологической философии, экологические факторы, а также переосмысление пропорции «рациональное – иррациональное», «женское – мужское», «естественное – искусственное» в контексте постмодернизма.

«Роман травмы» запечатлел глубинный психологический опыт страдания в результате событий социально-исторического характера. Философия экзи-

стенциализма, опыт Второй мировой войны и социально ориентированные процессы 1950–60-х гг. в Великобритании оказали влияние на творчество У. Голдинга, А. Мердок, Дж. Фаулза, К. Уилсона и др. Благодаря активной приверженности философии морали, А. Мердок в своих романах предлагает философское осмысление природы человека, во многом ориентируясь на реалистическую поэтику.

Литература последней трети XX в. в контексте постмодернистской концепции личности отразила интерес к проявлению маргинальных и глубинных сторон психики человека, эволюцию в способах изображения психологии персонажа, о чем пишут Дж. Ачесон и С. Росс, Б. Беттельхейм, О. А. Джумайло, Д. Лодж, У. Мэй, Н. И. Рейнгольд, Л. Сасс, П. Чайлдс и др. Такие британские писатели, как П. Баркер, Дж. Бэнвилл, Х. Курейши, Д. Лодж, И. Макьюэн, Р. Тремейн, Дж. Уинтерсон, Л. Холл и мн. др., усиливают наше осознание проблем человеческой психологии, владея новой научной информацией о сознании. Они стремятся показать путь к духовному совершенствованию и здоровым отношениям с другими людьми.

Создателями художественной модели экологического сознания как комплекса философских, психологических, моральных и просветительских установок, нацеленных на гармоничное сосуществование человека и природной среды, в британской литературе являются Т. Гарди и Д. Г. Лоуренс. Однако яркие образцы экопсихологического романа развиваются на рубеже XX–XXI вв. Экологическое сознание стало частью постгуманистической эстетики.

Эпистемология сознания включает феномен «двойничества», который утратил сугубо архетипические характеристики (тень, мистический двойник и др.) и акцентирует психологическое раздвоение (*alter ego*), проекцию, идентификацию с Другим как «не-я». После *Doppelgänger* у Э. По, Г. Мелвилла, Р. Л. Стивенсона, Дж. Конрада идея двойничества захватила воображение модернистских и постмодернистских авторов, в том числе Д. Г. Лоуренса и П. Баркера.

В эпистемологии сознания особое место занимает познание маргинальных его сторон. Эту задачу в романе XX в. решает концептуальная форма – «черный» психологизм – система образных и экспрессивных художественных средств, направленных на создание глубинной картины внутреннего мира личности с акцентом на перверсивном, темной сущности сознания.

В жанре «романа сознания» важен научно-аналитический психологизм, снижающий иллюзию сопереживания и апеллирующий к наукам о сознании. В британских романах рубежа XX–XXI вв. «Дом сна» (1997) Дж. Коу, «Невыносимая любовь» (1997) И. Макьюэна, «Думают...» (2001) Д. Лоджа происходит переосмысление соотношения биологически, психологически и социально мотивированных действий человека, изображается маргинальное сознание.

Ключевым *выводом первой главы* является заключение о том, что основа динамики художественного психологизма – развитие и популяризация наук, знаний о психологии человека, онтологические проблемы современности.

Глава 2 «**Формы психологизма в модернистском романе (на примере произведений В. Вулф, Д. Г. Лоуренса и Г. Рида)**» посвящена конкретизации и анализу этих форм. В разделе 2.1 «**Психологизм в прозе В. Вулф**» проводится рецептивный анализ психологизма экспериментальных романов писательницы. В подразделе 2.1.1 «*Психологические основы творчества В. Вулф*» дан аналитический обзор литературы по творчеству писательницы с выделением таких сфер исследований, как биографически ориентированные труды К. Белла, Т. К. Карамagno, Г. Ли, работы по эстетическим аспектам творчества Б. Блэкстоуна, В. И. Грешных, Д. Дейчеса, Дж. О’Брайен-Шейфера, К. Рида, Р. Л. Чемберса, С. А. Хенке, Д. Хэфли, Г. В. Яновской, исследования феминистского характера Дж. Маркуса, Г. Мардера, Дж. Наремора, Н. Топпинг-Бейзина, изучение психоанализа в ее романах Э. Абель, исследования поэтики романов Дж. Александером, Е. Ю. Гениевой, А. А. Колотовым, Н. В. Морженковой, Н. С. Поваляевой, Н. И. Рейнгольд. Здесь же дана общая характеристика художественного психологизма В. Вулф и утверждается, что романы автора повлияли на формирование концепции личности в модернизме. Писательница размышляла о роли психологического знания в творческом процессе в эссе «Современная литература» (1919), «Фрейдистская литература» (1920) и др., констатируя изменение человеческого сознания, необходимость переводить информацию о психологии человека на уровень художественного изображения.

Психологизм первых романов В. Вулф («По морю прочь» и «День и ночь», 1915) строится на оппозиции между миром фактов, слов, жестов и миром текучести мыслей и чувств, но он основан на характерном для писателей XIX в. эмпирическом психологическом анализе. «Комната Джейкоба» (1922) и «Миссис Дэллоуэй» (1925) экспериментальны по сюжетопостроению, нарративным техникам и способу изображения чувств, эмоций, свойств памяти и позволяют оценить достижения в художественном изучении сознания. В романе «На маяк» (1927) достигается равновесие между традиционной формой создания характеров и насыщенным внутренним лиризмом. «Орландо» (1928) характеризуется сапфизмом и сатирой, а роман «Волны» (1931) максимально воссоединил содержание и форму, внешнее действие и внутреннюю текучесть сознания.

В итоге определен собственный ракурс данного исследования: изучение индивидуально-авторских вариантов феноменологической и концептуальной форм психологизма, основанных на свойствах стиля писательницы и возникших в контексте концепции травмы, а также рецептивное осмысление способов воздействия на воспринимающее читательское сознание.

В подразделе 2.1.2 «*“Точечный” психологизм в романе В. Вулф “Комната Джейкоба”*» исследуется индивидуально-авторская форма – «точечный» психологизм, который в целом понимается как спорадическое изображение эмоций, чувств, мыслей – от поверхности к глубине сознания. «Точечность» реализуется на сюжетно-образном уровне произведения: создание «пробелов», распадение на ряд эпизодов, резкие скачки в описании временных пластов, отсутствие целостного характера, вместо чего автор представляет сиюминутно явленные стороны образов посредством некоего универсального сознания, объединяющего повествователя, автора, персонажей и читателя. В. Вулф описывает движение сознания с помощью лексики, обозначающей различные виды чувственного восприятия в их одновременности (синестезия). Информация о внешнем мире проходит путь интериоризации: акцентируется внимание на несущественных объектах, резких переходах от описания предметов и явлений внешнего мира к ощущениям мира внутреннего. Роман отличается внезапной сменой способов повествования, использованием особых метафор и сравнений для изображения работы сознания и подсознания, идиосинкратическими словосочетаниями. Приемами «точечного» психологизма являются моменты олицетворения неодушевленных предметов, «разбитые» диалоги, спорадическое изображение внутренних процессов как прерывистых, использование внешней речи в качестве своеобразного метонимического переноса, при котором разговор имеет одну тему, а переживания персонажей и подтексты – другую. Авторская парцелляция создает эффект «спотыкающегося» чтения.

Итог анализа – комплексная характеристика феноменологической «точечной» формы психологизма, представляющей человеческое сознание как всеобъемлющую, одновременно абстрактную и отелесненную субстанцию, ведущую активную саморефлексию.

В подразделе 2.1.3 «*Художественная модель травматического сознания в романе В. Вулф “Миссис Дэллоуэй”*» исследуются приемы поэтики текста, отражающие травматическое сознание героя романа Септимуса Смита – участника Первой мировой войны. Военный невроз остается непризнанным современной ему медициной, и В. Вулф изображает Септимуса с четкими признаками нарушенного самовосприятия. Описания галлюцинаций, ощущений и мыслей Септимуса принимают форму несобственно-прямой речи. В травматическом дискурсе символизм выходит за пределы соотнесенности с военным опытом, смешиваются прошлое и настоящее, военное время и мирное. В. Вулф обращает в художественную форму крайнее психическое расстройство. Изображенное сознание поставлено в оппозицию к внешнему миру посредством своей сверхчувствительности и способности конструировать дополнительные смыслы в восприятии реальных вещей.

В. Вулф вырабатывает художественный прототип отдельного вида умственного помешательства, вызванного войной, которое характеризуется властью «внутреннего взора», хранящего сцены и звуки битвы, экзистенциальными размышлениями о смысле и оправданности войны, рационализацией аксиологических «величин» – что утверждает ценность травмы как способа познания.

Формой психологизма на характерологическом уровне в романе выступает двойничество – изображение персонажей-двойников Клариссы Дэллоуэй и Септимуса Смита, которое отличается повышенной степенью саморефлексии и юнгианской «синхронией». Поток мыслей и эмоций героев реализуется через моделирование психологических процессов восприятия: «одушевление» объектов природы и предметов вещного мира, погружение в пространство памяти.

Итогом раздела 2.1 стало вычленение в самых экспериментальных произведениях В. Вулф новых форм психологизма – *феноменологической «точечной»* и *концептуальной художественной модели травматического сознания* (военного невроза). Эти формы психологизма функционируют через замену внешней событийности на внутреннюю психологию, действий – на тонкие ощущения и эмоции, апеллируют к механизму воздействия на ассоциативный аппарат читательского сознания. Все это способствовало становлению модернистской художественной концепции личности с заостренным вниманием на множественных проявлениях психической жизни.

Раздел 2.2 **«Отличительные черты психологизма в романах Д. Г. Лоуренса»** посвящен анализу отдельных произведений писателя с целью выявления отличительных форм психологизма. В подразделе 2.1.1 **«Д. Г. Лоуренс как писатель-психолог»** приводится аналитический обзор критической литературы по данной исследовательской проблеме и дается характеристика творческого метода автора. Методология исследования основана на биографических и критических работах А. Арнольда, К. Бедиента, М. Белла, Г. Бен-Эфрейма, Э. Била, С. Гилберт, Г. М. Ермаковой, А. И. Журавлева, М. Кинкида-Уикса, Ф. Р. Ливиса, Дж. Литтлвуда, Дж. М. Марри, Н. П. Михальской, М. Модiano, Г. Т. Мура, Н. М. Пальцева, П. Поплавски, П. Престона, А. В. Пустовалова, Н. И. Рейнгольд, К. Сейгара, Дж. Уортена, Г. Хоу, Д. Шнайдера и др. Критики чаще всего обращались к биографии писателя, акцентировали «женскую» тематику, анализировали стиль и мировоззрение писателя.

Уже ранние романы «Нарушитель» (1912), «Сыновья и любовники» (1913) и др. были отмечены тематикой Эдипова комплекса, страха, подсознательных влечений и других загадок сознания. «Радуга» (1915) и «Влюбленные женщины» (1920) продемонстрировали психологический эксперимент и новизну стиля. Писатель художественно разработал тему психологии власти в романах «Флейта Аарона» (1922), «Кенгуру» (1923), «Пернатый змей» (1926). «Любовник леди Чаттерли» служит синтезом выработанных приемов психологизма.

Культура эмоционального переживания в прозе Д. Г. Лоуренса – особая внутренняя система психологизма, основанная на авторских идеях о личности и психологии. Она предполагает построение персонажей и художественной образности согласно этим идеям, сформулированным в психоаналитических эссе писателя, где представлена оригинальная концепция физиопсихологии. Структура психики, по Лоуренсу, идентична фрейдистской, но включает космологию. В отличие от З. Фрейда, Д. Г. Лоуренс – противник законов или моделей в психоаналитической трактовке индивида. Основу его дуалистической концепции личности составляют психосоматика, размышления о сущности взаимоотношений полов, динамическое понимание «сознания ума» и «сознания крови».

Лоуренс как писатель-психолог сформировался под влиянием идей З. Фрейда, К. Г. Юнга, У. Джеймса, Т. Берроу и Д. Эдера. Большая роль в развитии новой художественной модели сознания принадлежит роману «Радуга», который отличают вера в мистические, «темные» силы, эротизм и символика. Концепции сознания разработаны в романе «Влюбленные женщины». Художник стремился к изображению личности и ее отношений с людьми как к бесконечно изменчивому процессу. Герои Д. Г. Лоуренса – это либо люди-винтики большого механизма цивилизации, либо глубоко чувствующие натуры.

Приемы психологизма в прозе Д. Г. Лоуренса следующие: абсолютизация роли подсознания, смешение мистического и научного понимания психологии человека, телесность сознания, дуалистический подход к психологическим реалиям и сексуальности, принцип мифологизма, литературный психоанализ.

Подраздел 2.2.2 *«Художественная модель “калейдоскопического” сознания и феномен Doppelgänger в романе Д. Г. Лоуренса “Влюбленные женщины”»* предлагает подробный анализ моделей сознания, соотносимых с видением человека Д. Г. Лоуренсом. Психологизм романа кардинально отличает его от ранней прозы писателя. Здесь Первая мировая война выступает в роли катализатора, усиливающего общее социальное насилие и дезинтеграцию личности. В центре повествования – «внутренняя вселенная» персонажей. Художественная модель «калейдоскопического» сознания в романе характеризуется открытой, «немонологической», варьирующейся перспективой. Персонажи изменяются в каждый отдельно взятый отрезок времени (как в калейдоскопе). Характер представлен метафорически в образе текущей воды, и в основе романной композиции лежит прием «потока».

Мужское и женское начала в романе олицетворяются парами героев: Урсула – Беркин, Гудрун – Джеральд. Д. Г. Лоуренс расширяет и усложняет понятия любви и дружбы, анализируя через героев потребности человеческой психики. На фоне последовательной эволюции героев автор уделил внимание единичным состояниям тела, ума и души, изобразил иррациональность приливов и отливов чувств. «Калейдоскопичность» создается с помощью диалогов: каждое

новое душевное состояние влечет за собой изменение состояния собеседника; компоненты «калейдоскопа» чувств меняются позициями и создают каждый раз новую картину.

В романе «Влюбленные женщины» задействован также особый символично-мифологический прием психологического изображения: помимо аллюзивных параллелей в именах героев, он проявляется в трансформации архетипа «двойника». Двойничество в романе можно причислить к новой концептуальной форме психологизма и рассматривать как сложный комплекс двойников. Диалектика «я» и «не-я» между субъектом и его двойником / двойниками ведет как к обретению целостности натуры, так и к ее расщеплению. Отношения между противоположностями описаны Д. Г. Лоуренсом с помощью понятия «полярность», т.е., непримиримая оппозиция. Если индивид являет собой целостную личность, он может войти в состояние созидательной полярности с другим индивидом, но, если он раздвоен внутри своего «я», тогда созидательные отношения с другим невозможны.

Каждый герой романа проходит собственный путь к самопознанию и постоянно изменяется: личность не похожа сама на себя в разные моменты времени. Дальнейшее разделение внутри пар главных героев приводит к созданию своего собственного «двойника» каждым отдельно взятым персонажем в качестве подсознательной защиты «эго». Художественная образность двойников включает тени, привидения, отражения в зеркалах, сны, соперников, любовников или соратников, описание сцен танца, ассоциативную связь с тотемным животным. Субъект, расщепленный на восприятие мира типа «или/или» (как в случае с героиней романа Урсулой), воспринимает двойника как Другого, а себя как объект, порожденный этим Другим. Неразрывная двойственность «когнитивного» и «корпорального» знания в романе представлена метафорой слепоты как воплощения «внутреннего» взора. Двойничество можно наблюдать в парах персонажей, тесно связанных узами дружбы, а также внутри личности, в виде мужского и женского начал (Анимы и Анимуса). Провалы в личностном и межличностном развитии в произведении можно объяснить отчасти неравным распределением внутри каждого из героев мужского и женского элементов.

Двойничество в современном произведении, следуя традиционным архетипам коллективного бессознательного, тем не менее, расширяет спектр изображаемых психических реалий, образуя концептуальную форму психологизма через изображение сложных психических процессов, объяснить которые в романе, кроме как с помощью психоаналитического подхода, практически невозможно.

Телесная форма психологизма анализируется в подразделе 2.2.3 *«Телесный психологизм и культура эмоции в романе Д. Г. Лоуренса “Любовник леди»*

Чаттерли»». Психологизм в романе основан на интеграции телесно-чувственного элемента в сознание персонажа, в систему образов и символов. Конфликт внутри психики героев – это столкновение разума и чувственности. Так, Констанция Чаттерли мечется между долгом в браке и чувственной страстью. Писатель изображает духовную привязанность, которая рождается как в «низших», так и «высших» центрах человеческого тела. Сексуальность в романе становится одной из наиболее существенных и прекрасных бессознательных сил. Момент перехода телесного в психическое, а затем в духовное наполнен глубиной и выразительностью.

Особенности лоуренсовского стиля со свойственными ему эмоциональными значениями проявляются в приеме повтора и чередования на нескольких коммуникативных уровнях – лексическом, синтаксическом, образном и ритмическом. Присутствуют идиосинкратические метафоры и сравнения, метаязык, выработанный в эссеистике писателя, олицетворение абстракций, частые уточнения и пояснения. Психологическая глубина и утонченность при передаче чувств и эмоций достигается благодаря эзотерической символике, «корпоральной» лексике, психологическому анализу. Воплощенное в романе «динамическое» сознание как цепочка «телесное – метафизическое – этическое» отлично от «серьезного» типа сознания у Дж. Элиот, «чувствительного» у Т. Гарди и «морального» у Э. М. Форстера.

Концепция культуры эмоционального переживания позволяет рассматривать передаваемую эмоцию как объективную, потому что ее воспринимает и на нее реагирует сознание Другого, ее можно свести к набору лингвистических и образных средств. Эмоция в психологическом тексте живет на правах параллельного сюжета, не просто сопровождая развитие мысли, но сама являясь метафорой мысли. Как считал писатель, обремененное тяжестью науки механическое сознание современного человека перестало разграничивать истинные эмоции, рожденные телом, и эмоции, рожденные разумом. Современный писателю мир представлялся ему игрой ложных, придуманных чувств, поэтому роман «Любовник леди Чаттерли» можно считать средством «примирения» духовного и физического. Художественная модель телесного сознания в романе оригинальна: писатель наделяет каждый момент интенсивного чувства описаниями телесных реакций, а его герои подвержены активной саморефлексии о теле. «Культура эмоции» исходит из этих рефлексий, она выстраивается согласно тем постулатам, которые провозглашены Д. Г. Лоуренсом в его трудах по психологии.

В подразделе 2.2.4 *«Прецедентная художественная модель экологического сознания в прозе Д. Г. Лоуренса»* рассматривается названная концептуальная форма психологизма. Д. Г. Лоуренса в британской литературе по праву можно считать провозвестником экологического сознания, где ведущее место

занимает природная образность, акцентируется мистическая связь сознания человека с растениями, животными и космосом. Основы экологического сознания заложены в романе «Сыновья и любовники», но психологическую глубину эта тема приобрела в поздних произведениях.

Д. Г. Лоуренс интересовался дохристианским мифологическим сознанием, обрядами, обожествлявшими космические и природные явления, что нашло отражение в новелле «Уехавшая верхом» (1924), в которой героиня принимает роковое решение отправиться к индейцам в поисках душевной гармонии, понимая при этом, что никогда не вернется обратно. Знание, которое она должна обрести, – это знание подсознательного порядка, и оно имеет цену человеческой жизни. Сакральная составляющая природы усилена присутствием божества и мифа. Смерть в данной новелле трактуется как новое рождение, представленное в экологическом ключе: присоединиться к «древу жизни» можно лишь пожертвовав своим «эго» и своей жизнью. Женщина в новелле в прямом и метафорическом смысле должна стать частью природы.

Для Д. Г. Лоуренса экологическим принципом существования человека в окружающем мире является синтез знаний с подсознанием, наслаждение природной красотой, возможность присоединиться к ней и следование космическому закону единения мужского и женского начал и трех ипостасей нашей среды обитания: планетарно-космической, биологической (человек, животные и растения), а также временной (жизни и смерти).

Белорусский современник Д. Г. Лоуренса В. Ластовский типологически сходно реализовал экологическое сознание в мистической новелле «Лабиринты» (1923). В литературе конца XX в. получил развитие жанр экопсихологического романа, в котором прослеживается тот же мотив. Отличительными его характеристиками являются природный хронотоп, экологический дискурс, изменения в психике и сознании персонажей под воздействием сил природы. Современный английский писатель К. Таброн признает влияние Д. Г. Лоуренса на свое творчество и в романе «К последнему городу» (2004) ставит эксперимент над сознанием современных европейцев, которые оказываются наедине с дикой и могущественной природой Перу, на землях инков. Только непосредственный близкий контакт с природой дает путешественникам ценные знания о жизни и самих себе.

В итоге отмечено, что новаторскими *концептуальными* формами психологизма в романах Д. Г. Лоуренса можно считать *художественные модели телесного, экологического, «калейдоскопического» сознания и двойничества* – архетипа, трансформированного в психологическую реалию.

Раздел 2.3 «**Аналитический психологизм в романе Г. Рида “Зеленое дитя”**» посвящен рассмотрению новой аналитической формы психологизма в

британском модернистском романе. Герберт Рид – писатель, поэт, критик, эссеист, историк искусства, участник Первой мировой войны, наиболее активный из литературных деятелей модернизма, пропагандировавших психоанализ З. Фрейда и К. Г. Юнга. Его наследие в отечественном литературоведении практически не изучено (за исключением нескольких статей Н. И. Рейнгольд). В Англии его труды изучали К. Ханиуэлл, Дж. Кинг, Дж. Вудкок.

Особым свойством художественной и нехудожественной прозы Г. Рида является стремление воссоединить идеи и изучение иррационального. Поэтому интеллектуально-философская и научно-аналитическая формы психологизма в романе «Зеленое дитя» опираются на связь с современной автору психологией. В романе четко прорисована концепция сознания, изложенная героями и апеллирующая к философским учениям и теориям психоанализа. Рецептивной формой психологизма являются «лакуны» недостающих эмоций, требующие восполнения читательским сознанием.

Содержа в себе элементы романа-(анти)утопии, романа-мифа и романа идей, произведение предлагает своеобразный интеллектуальный механизм анализа как социальной, так и психологической действительности, а также альтернативу (в большой степени пародийную и антиутопическую) изувеченному войной сознанию. В романе реализован юнгианский претекст: реалистический топос и «квест» самости через психологические препятствия в виде символических пещер и уровней в подземной стране. Художественное время проходит три стадии: от реального к аллегорическому и к психологическому.

Г. Рид использует прием авторского отступления, в которое вкладывает обобщенные наблюдения о сути человеческого сознания, и точно следует фрейдовской методологии изучения психики, экстраполируя этот процесс на своего персонажа: воспоминания детства становятся проводником к познанию своего собственного «я». Прослеживание пути от ощущения к эмоции и к осознанию и интерпретации составляет суть интеллектуально-философской формы психологизма. Психоаналитический дискурс в романе используется с целью пояснить и рационально обосновать сознание, а также в качестве инструмента в философском споре между героями романа о сущности и функциях человеческого мозга, о проблемах сознательного и бессознательного.

Г. Рид предлагает сравнительный анализ психики персонажа Коленшо – необразованного, грубоватого, мало отдающего себе отчет в своих по большей части инстинктивных действиях, и Веточки – выходца из подземного фантастического мира, существа напроочь дегуманизированного, лишённого всех привычных выражений человеческой эмоциональной сферы. Г. Рид ставит эксперимент над психикой, а также обращается к теме сновидений как одному из важнейших объектов психоаналитического знания. Финальная идея романа связана с интроспекцией, ее границами и положительными и опасными сторонами.

Роман демонстрирует воплощение *научно-аналитической формы психологизма* в совокупности с *интеллектуально-философской*, являясь своеобразным прототипом для создания в последующей прозе Великобритании текстов, апеллирующих одновременно к науке, философии и феноменологическому опыту сознания. Таковы произведения А. Мердок, У. Голдинга, Дж. Фаулза, И. Макьюэна.

Ключевой **вывод второй главы**: психологизация романа в первой половине XX в. выразилась в развитии культуры эмоционального переживания и реализовалась в «точечной» форме психологизма (у В. Вулф), в художественных моделях сознания – травматического (В. Вулф), «калейдоскопического», экологического, телесного (Д. Г. Лоуренс), феномене двойничества (В. Вулф, Д. Г. Лоуренс), а также в интеллектуально-философской и научно-аналитической формах (Г. Рид).

Глава 3 **«Интеллектуально-философский, научно-аналитический, концептуальный и рецептивный психологизм в британском романе второй половины XX века»** посвящена дальнейшему рассмотрению динамики психологизма в новых формах в британском романе. В разделе 3.1 **«Интеллектуально-философский психологизм романов А. Мердок»** внимание уделено особой форме психологизма в прозе писательницы. В аналитическом обзоре литературы по творчеству А. Мердок отмечены исследования ее философской прозы А. С. Байетт, П. Вулфом, Э. Дипплом, А. Роу, Дж. Бейли, М. Лаверти, Дж. Мейерсом, М. Антоначчио, Дж. Дули; психоаналитических концептов – Д. Гордоном, Д. Джонсоном, П. Конради, Р. Харди, Х. Блумом; связей с традициями английской литературы – У. Холлом, Дж. Старроком, Л. Мартцем, Л. Сейдж; феминистской традиции – П. Во, Д. Ф. Муртазиной; жанра и стиля – Г. В. Аникиным, В. В. Ивашевой, Н. П. Михальской, Н. Ю. Жлуктенко, С. Н. Филюшкиной, М. И. Воропановой, З. Т. Гражданской, А. Н. Никифоровой, О. Н. Самсоновой).

Психологические конфликты между героями анализируются в подразделе 3.1.1 **«Художественные особенности драматизации психологических конфликтов в романах А. Мердок»**. Творчество А. Мердок – это целый этап в истории британской литературы XX в. Писательница воплотила гармоничное взаимодействие традиции и новаторства, умело сочетая жанрово-стилевые эксперименты с опорой на традицию Ч. Диккенса, Дж. Элиот, Дж. Остен, Л. Толстого, а определенные цели в искусстве роднят ее с Д. Г. Лоуренсом. А. Мердок – автор философского (интеллектуального) романа, в котором присутствует «типизирующий» и «индивидуализирующий» психологизм.

Воздействие романов писательницы на читательское восприятие реализуется через обострение конфликтов и создание критических ситуаций. Герои А. Мердок достаточно правдоподобны, но ситуации, в которые они попадают,

нетипичны. Иррационализм чувств и страстей героев, символика предметов и явлений выводят ее манеру письма за границы философского размышления, привлекая глубиной изображения психологии характеров. Доминирующим типом персонажа в творчестве А. Мердок является герой, проявляющий свою свободу воли в поисках правды жизни в ситуациях кризиса, трагического случая или рокового совпадения (например, «Под сетью», 1954).

Особенность психологизма прозы А. Мердок – отход от модуса исповедальности и авторский анализ. Ранние романы 1950–1960-х гг. – «Бегство от волшебника» (1956), «Итальянка» (1964), «Отрубленная голова» (1961), «Честный проигрыш» (1970) – обладают «инвазией» странного харизматического персонажа, суть которого не столько в особенностях психологии, сколько в идейном наполнении. Особенностью прозы первого периода является формальное разрешение конфликта торжеством позитивных тенденций.

Новаторские формы психологизма, вовлекающие другие уровни текста, помимо феноменологического душевного опыта героя, прослеживаются в романах А. Мердок 1970–1980-х гг. Начиная с «Черного принца» (1973), мифологизм как прием психологического изображения приобретает многовекторность. В этом романе ощутимо более целенаправленное изучение сознания. С точки зрения рецептивного подхода, роман обманывает читательские ожидания, не предлагая ни одной морально приемлемой концовки в силу бесконечного набора двусмысленностей. «Черного принца» можно рассмотреть в контексте *Doppelgänger* – в трансформации архетипического в психологическое.

Художественное освоение человеческого сознания связано у А. Мердок с категорией непредсказуемого (*contingency*), которую она обосновала в нескольких эссе. Писательница обращалась к З. Фрейду, теории которого она оспаривала, полемизировала с отдельными их постулатами, но в то же время активно внедряла в художественный дискурс. Однако А. Мердок оставила открытым вопрос о степени осознанности фрейдистских механизмов. Писательница использовала образ психоаналитика в качестве идейного инструмента исследования человеческой природы. За одним исключением, все герои-психоаналитики выведены в карикатурном свете.

Психологический конфликт в романах А. Мердок обладает бинарной природой и осложнен категорией непредсказуемости. Художественно изображенное сознание представлено как источник моральных ценностей.

В подразделе 3.1.2 «**Типизация героя-психоаналитика в романе А. Мердок “Отрубленная голова”**» решается задача обоснования на характерологическом уровне модели характера психоаналитика. Данный роман построен на фарсовом сюжете о многовекторных любовных связях, центральной из которых является измена жены главного героя Мартина Линч-Гиббона Антонии с ее вра-

чом-психоаналитиком. В качестве одной из традиционных форм психологического изображения в романе использован внутренний психологический самоанализ (интроспекция) героя. Новаторство заключается в элементах анализа подсознания и аллюзиях на теории З. Фрейда с использованием специальной терминологии (*рационализация, регрессия, смещение*).

А. Мердок закрепляет за каждым героем идейнообразующую функцию. Типичным мердоковским героем-манипулятором в данном романе оказывается психоаналитик Палмер Андерсон. Автор наделяет его особым стилем изложения мысли, вкладывает в его уста редуцированные и упрощенные фрейдистские концепции. Новизна обрисовки характера заключается в опоре на психоаналитическую теорию, ограничения и двусмысленность которой оспаривает сама А. Мердок. Образ психоаналитика построен на карикатурности, положительные коннотации постепенно сменяются на резко негативные, приводящие к гиперболизации психических отклонений.

Образ героя-психоаналитика – новый литературный архетип в художественной прозе XX–XXI вв., который воссоединяет в себе объективные художественные показатели его структуры (внешность, поведение, речь) и сугубо субъективные составляющие: авторскую иронию, карикатурность, игру с фрейдистскими концепциями личности. Посредством пародии и переосмысления догматизма отдельных психоаналитических концепций А. Мердок обличает несостоятельность «целительской» функции психоаналитика. Разработка данной модели характера способствует развитию научно-аналитической формы психологизма.

Дальнейшая эволюция форм психологизма анализируется в подразделе 3.1.3 **«Культура эмоционального переживания в романе А. Мердок *“Святая и греховная машина любви”*»**. Роман, написанный в 1974 г., предлагает не просто философский экскурс в перипетии чувств, но и концепцию «экологии души», где то достоинство внутренней жизни, к которому призывала стремиться писательница, представлено в ситуации душевного и морального кризиса. Заголовок романа отсылает нас одновременно к полотну Тициана «Любовь небесная и любовь земная» (1515) и к работе З. Фрейда «Об унижении любовной жизни» (1905). В центр повествования А. Мердок помещает психотерапевта Блэза Гавендера, ведущего двойную жизнь, и реализует таким образом фрейдистскую концепцию о расщеплении любовной жизни на небесную и земную.

Типичная мердоковская экзистенциальная ситуация выявляет истинного человека через то, как он ведет себя в критические минуты. Любовница Блэза Эмили оказывается эгоисткой, его жена Гарриет, наоборот, проявляет невероятные христианские добродетели. Концовка романа, в которой добродетель

устраняется (Гарриет погибает), а аморальность остается, не оправдывает горизонт ожидания читателя. Однако таким образом Мердок акцентирует идею о том, что и жизнь и искусство не всегда несут с собой справедливость.

Данному роману, как и многим другим, свойственна избыточная рефлексия. Для этого использованы несколько типов дискурса: травматический (невротический), духовный и психоаналитический, которые составляют суть культуры эмоционального переживания. Травматический дискурс представлен переживаниями утраты (писатель Монти, скорбящий о рано ушедшей жене), измены и предательства (перенесенных Гарриет), страданиями непризнанной жены (Эмили), размышлениями о бессмысленности существования в этом мире и об отчуждении от родителей (аутист Люка – сын Блэза и Эмили; Дэвид – сын Блэза и Гарриет). Дискурс духовности почти полностью соотносится с характером Гарриет и оказывается нереально идеализированным, сверхчеловеческим. Психоаналитический дискурс – модус существования Блэза Гавендера. Его «теории» изложены ограниченным, клишированным набором фраз и формулировок, позаимствованных из психоаналитической литературы, и тем самым перекрывается доступ в его сознание понятиям морали и порядочности. Внутренний процесс страданий аморального человека реализован в смешении диегезиса и мимесиса, в несобственно-прямой речи.

Психологическая суть романа – изображение «экологии души». Для этого использована интеллектуально-философская форма психологизма, отличающаяся избыточной саморефлексией. Герой-психоаналитик продолжает сатирическую линию этого типажа на фоне художественно разработанной «экологии души», выдвигающей принцип сверхчеловеческой добродетели, всепрощения и сострадания.

В подразделе 3.1.4 *«Психоаналитический интертекст в романе «Школа добродетели»»* представлен анализ героя-психоаналитика в процессе эволюции авторского мировидения. Это наиболее зрелое творение писательницы, в котором всезнающий рассказчик дает волю поэтическому красноречию, развернутым размышлениям и аналитическим пассажам.

Сюжетная линия движется по траектории преодоления невыносимого чувства вины, которое испытывает главный герой, Эдвард, после того, как из любопытства дает наркотик своему другу Марку Уилсдену. За этим следует роковая смерть Марка, поиск Эдвардом своего настоящего отца, смерть последнего, обращение Эдварда к психоаналитику, его трудный путь к себе. А. Мердок запутывает сюжет любовными отношениями внутри замкнутого круга героев. При этом в центре сознания большинства персонажей – поиск возможности творить добро посредством своего внутреннего морального прогресса. Эта проблематика органично вплетена в пространственные беседы героев, пытающихся объяснить друг другу себя и установить приоритеты и жизненные ценности.

Психологизм реализован в анализе эмоционально-психического состояния характеров, чему способствует психоаналитик Томас Маккаскаервиль. Тщательность разработки этого характера, изображение его неподкупной честности, терпения, безграничной любви к жене и сыну, ангельского умения прощать, понимать, бескорыстно помогать делают героя-психоаналитика сложным художественным механизмом. Характер психоаналитика как инструмент передачи информации функционирует на языковом уровне посредством явленной другим персонажам диалогической и монологической речи с одной стороны, а с другой – несобственно-прямой речи и авторского психологического анализа, который намекает на наличие важной информации, доступной лишь читательскому восприятию.

Главными приемами в изображении сознания являются архетипы путешествия, препятствия, «мест», на которые нужно выйти, смерти старого сознания и нового его рождения. В конце «квеста» ждет новое «я», измененная, принявшая Инициацию Самость. Соответствие риторической составляющей теории Томаса фактическому завершению внутреннего психологического сюжета говорит о четкой коммуникативной установке произведения. Основой для иного понимания психологических подмыслов является второй слой психики персонажа, поданный в контрасте с репрезентированной речью. В образе Томаса в то же время отсутствует двоякость; это почти невозможный идеал, который демонстрирует духовную дисциплину высшего порядка. Этим самым А. Мердок с удвоенной силой утверждает постулат «морального психологизма».

Психологизм романа отличается присутствием психоаналитического ин-тертекста, выразившегося в сюжетных связях с психоанализом, в частности, с имаго отца – «мерцающего» в сознании героев, ускользающего образного компонента, глубоко расщепленного на отца-идеал и отца-деспота. Преодоление главным героем враждебности к отцу и одновременное противостояние неограниченной власти последнего приводят к мирному разрешению Эдипова конфликта, признанию роли отца в формировании личности сына, принятию любви к родителю. Вынужденное отлучение Эдварда, невольное преступление и страдания сродни скитаниям блудного сына, и начальные строки романа – библейский текст из Евангелия от Луки (15:18) – свидетельствуют об этом. Идентифицировать носителя идеи в романе практически невозможно, но слияние точек зрения позволяет судить об идейном послыле автора через призму «инженера человеческих душ».

В романе присутствует конфликт на уровне систем ценностных установок между научным и мистическим пониманием сознания. Горизонты читательского ожидания относительно терапии Томаса, который сначала представлен как классический фрейдист, оказываются неоправданными. Томас не берется

«излечить» Эдварда, а заставляет его психику страдать: только через страдания и постижение смысла смерти можно вывести сознание на новый уровень.

Художественный психологизм в романе, в дополнение к интеллектуально-философской и аналитической составляющей, опирается на воспринимающее сознание и комплекс междисциплинарных знаний. Психоаналитический дискурс расширяется до психоаналитического интертекста на сюжетном уровне, и, помимо полемики с Фрейдом, автор вырабатывает новую концепцию сознания, которая принимает необъяснимость мистического элемента.

Психологизм романов А. Мердок стилистически реализован через психологический анализ, внутренний монолог, несобственно-прямую речь. Новые *аналитические формы психологизма* функционируют посредством эволюционирующего образа психоаналитика, через реализацию культуры эмоционального переживания, психоаналитический интертекст, разрушение стереотипов и горизонта ожидания в трактовке сознания. Психологизм в творчестве А. Мердок приобретает характерные для XX в. в целом вкрапления научных знаний из философии и психологии.

Раздел 3.2 **«Синкретичные формы психологизма в творчестве И. Макьюэна»** посвящен анализу форм психологизма, представляющего новый этап в развитии британского романа XX в. В подразделе 3.2.1 **«“Эмоциональный реализм” как определяющий метод психологизма романов И. Макьюэна»** анализируются отличительные черты литературного почерка И. Макьюэна: интерес к приватному, скрытому, психологически малоисследованному в сознании современного человека. «Эмоциональный реализм» заключается в предельном правдоподобии психологических деталей, вызывающем иллюзию сопереживания.

В аналитическом обзоре литературы по творчеству И. Макьюэна указываются, что критики Е. В. Брежнева, О. А. Джумайло, О. В. Доронина, Б. М. Проскурнин, в основном концентрируются на анализе отдельных романов. Периоды творчества осмыслены в монографиях П. Чайлдса, Р. Кларка, Д. Малкольма, Д. Хеда, Дж. Слэя, Л. Уэллс, К. Райана, Ш. Мэтьюза, К. Бернс, в диссертациях Е. С. Веденковой, О. А. Велюго.

Первый этап творчества И. Макьюэна («Первая любовь, последние помазания» 1975; «Меж сбитых простыней», 1978; «Цементный садик», 1978; «Утешение странников», 1981) можно соотнести с «черным» психологизмом, пафос которого схож с экспериментальной макабрической готикой 1970-х годов в творчестве Дж. К. Оутс (США), А. Картер. «Микрокосм» «Цементного садика» отображает сложные процессы в сознании детей, которые сталкиваются со смертью матери, не знают, как поступить в таком случае и хоронят ее в погребке, залив цементом. В «Утешении странников» автор исследует проблему садомазохизма в ее криминальном проявлении. Однако концентрация на перверсии не

является самоцелью повествования. Макьюэн создает поле для читательского восприятия, в котором вырабатывается знаменитая макьюэновская эмпатия, позволяющая читателю по-иному взглянуть на работу сознания, пересмотреть стереотипические представления о норме и отклонении, задуматься о важности психического здоровья. Эмпатия создается с помощью комбинации традиционных способов психологического изображения – несобственно-прямой речи, авторского комментария психических процессов – и переноса образности из плоскости обыденного в сферу воображения, где детали интерьера, вещного мира обретают свойства психологических «реактивов». И. Макьюэн разрушает иллюзию о возможности контроля происходящих в сознании процессов.

Второй этап творчества («Дитя во времени», 1987; «Невинный», 1990; «Черные псы», 1992; «Невыносимая любовь», 1997; «Амстердам», 1998) свидетельствует об углублении в научные знания и о своеобразной попытке воплотить призыв Ч. П. Сноу к писателям – внедрить научные знания в канву произведений. На первый план выходит широкая социальная проблематика: воспитание детей, построение взаимоотношений в семье и нахождение компромисса в сфере профессии, проблема эвтаназии и нацизм. Особое психологическое качество прозы И. Макьюэна этого периода состоит в локализации частного и экстраординарного в знакомой действительности, как то: потеря родителями ребенка в мирное время в гипермаркете, изнасилование женщины эсесовскими собаками, эротомания, заговор об эвтаназии. Все это имеет самую реалистическую подоплеку и лишено романтического эпатажного вымысла. Мы имеем дело со стиранием границ между крайними элементами оппозиции «больное – здоровое», «норма – аномалия» и «перетеканием» одного в другое, что свидетельствует о реализации писателем постмодернистской концепции личности.

Третий этап творчества И. Макьюэна («Искупление», 2001; «Суббота», 2005; «На берегу», 2007; «Солнечная», 2010; «Сладкоежка», 2012) характеризуется синтезом предыдущей тематики и новой проблематики: экология и научный прогресс в сознании современного человека.

В подразделе 3.2.2 **«Роман “Утешение странников”: художественная модель национального сознания в контексте “черного” психологизма»** выделяется особая концептуальная форма психологизма. Роман изображает сознание, отмеченное маргинальностью, но целью писателя не является фиксация на всепоглощающем чувстве ужаса. Особой чертой «черного» психологизма является абсолютная закреплённость изображаемых событий в реальности, связанность состояния психики с современной цивилизацией и проблемами национального сознания. Именно в такой «связке» на фоне контраста с нормально-привычным «черный» психологизм может проявиться не как эфемерный фантом мистики, фантазии, галлюцинации или сновидения, а как абсолютная психологическая реальность, только мало доступная обыденному сознанию.

Идентичность современного британца – часть «черного» психологизма в романе «Утешение странников». Для И. Макьюэна вопрос «английскости» является онтологической проблемой массового и индивидуального сознания с элементами культурной бинарности, что часто приводит к конфликту личности. Писатели часто изображали национальное сознание британца / англичанина на фоне другой нации или культуры, например, Г. Джеймс, Э. М. Форстер, Д. Г. Лоуренс. На современном этапе Дж. Барнс, М. Эмис, Дж. Бергер, К. Таброн. И. Макьюэн и др. также пользуется приемом варьирования хронотопа, сдвигая место действия в другие страны, что позволяет сопоставить английский характер с иными.

В «Утешении странников» английская пара – Колин и Мэри, находясь в Венеции на отдыхе, становится жертвой садомазохистов – итальянца Роберта и его канадской жены Кэрлайн. На фоне макабрических событий, сопряженных с психологической маргинальностью (садомазохизм) и аллюзивной связью со «Смертью в Венеции» Т. Манна, автор высвечивает черты английского характера, которые контрастируют с итальянским контекстом, а также влияют на развитие взаимоотношений. Английская вежливость, слепое доверие ко всему, что внешне благопристойно, отсутствие реальных жизненных трудностей, характерных для британского «государства всеобщего благосостояния» 1970-х, становятся той «английскостью», которая не выдерживает испытания в чужом окружении и незнакомой психологической среде. И. Макьюэн проблематизирует английские манеры, сдержанность, «автономность» личного пространства, которые могут стать препятствием для постижения Другого. Национальная идентичность под пером И. Макьюэна превращается в психологический портрет, не следующий традиционным канонам: он подвижен, в нем отсутствует привязка к категории «характера», он вырисовывается наиболее отчетливо на фоне крайних проявлений других сознаний. Читатель остается один на один с грубыми и примитивными эмоциями и немислимыми событиями, ставшими результатом психосексуальных извращений персонажей, которые во всем остальном кажутся ничем не примечательными.

Черты «черного» психологизма на примере романа «Утешение странников» – это мотив смерти, страха и тайны, психологическая напряженность, аналогичная атмосфере детектива, но не разрешающаяся по модели детективного сюжета, изображение «темной» стороны сознания, которая, тем не менее, своей реалистической подоплекой сокращает дистанцию между чистым воображением и психологической реальностью, знакомой читателям.

В подразделе 3.2.3 *«Роман “Черные псы”: синкретичность художественных моделей сознания»* прослежены углубление «черного» психологизма и эволюция рецептивной формы, основанной на бинарной оппозиции. В романе также представлены две концепции восприятия реальности, две картины

мира – атеистический рационализм и духовный мистицизм.

«Черный» психологизм основан на мифологической аллюзии и апеллирует к фольклорному образу черного пса, персонажа британских сказок. Прошлое Джун и Бернарда Тремейнов содержит эпизод встречи с черными эсесовскими собаками в послевоенной Франции, случайное спасение от них и последующее ухудшение отношений в семье, что пытается осознать главный персонаж, их зять Джереми. При размежевании интересов и жизненных дорог невидимый призрак «черных псов» – архетипический образ романа – сопровождает героев в перипетиях их судеб и начинает приобретать два различных смысла: извечные темные силы зла и непостижимый мрак сознания. Этот призрак считали посланником дьявола, предвестником смерти. В то же время в исследованиях мифологии, фольклора присутствуют намеки на психологическую природу этого видения.

Автор связывает воедино религиозно-мистическую философию Джун, драматическую сцену схватки с дикими существами и образы Майданека, коммунизма и фашизма. Повествователь размышляет о том, что ничем, кроме как дьявольским промыслом, явлением неких исчадий ада в самых разнообразных обликах, невозможно объяснить масштабы истребления человека человеком. Метафора черных псов не ограничивается мировым злом: оно стоит на одной ступени со злом в его повседневном, эпизодическом обличье под маркой таких явлений, как насилие над личностью и телом ребенка, инстинкт своры в уличных потасовках.

Понятие «черный пес» ассоциируется также с глубокой психологической депрессией. Заполнив «лакуны», возникшие между мистическим и научно-рациональным сознанием, мы получаем вид рецептивного психологизма, когда читательское восприятие требует междисциплинарных знаний, в частности, о депрессии – состоянии человека «механического века», тлетворные симптомы которой автор повсюду рассыпает в романе. Присутствие рационально-научного обоснования феномена черных псов заставляет задуматься о многих свойствах сознания, которые сосуществуют в разных системах мировидения.

И. Макьюэн создал универсальную модель художественного синтеза бинарной оппозиции «рациональное / иррациональное», обратившись к мифологии Британских островов и языковому и научному воплощению мистической образности. Художественные модели сознания в романе – новаторское изображение вида душевной связи «рационализм – мистицизм» с помощью широкой образной метафоры мирового зла.

В подразделе 3.2.4 «*“Невыносимая любовь” как образец “романа сознания”*» рассматривается комплекс составляющих психологизма современного романа новой жанровой разновидности. «Невыносимая любовь» обладает свойствами новаторского психологизма. Принцип «эмоционального реализма»,

культура эмоционального переживания, художественная модель научного сознания, вступающего в философский спор с иррациональным, мистическим и художественным – таковы составляющие синкретичной модели сознания. Это не только история одного психопатологического случая. В романе интегрированы узкоспециальные теории личности, специфика отдельных отраслей знания о психике человека. Научный дискурс романа основан на изучении Макьюэном теории Дарвина, неodarвинизма, социальной психологии, психоанализа и неврологии – все это способствует реализации научно-аналитического психологизма. Роман имитирует процесс изучения психопатологии, где центральный конфликт разворачивается вокруг известного автора научных статей Джо Роуза, который оказывается жертвой преследований Джеда Перри с диагнозом «эротомания», или синдром Клерамбо.

Научно-ориентированное сознание главного героя решает задачу выхода из ситуации с помощью рационалистического исследования патологии. Автор наделяет его способностью думать и выражать мысль, используя научную и книжную лексику. Однако аналитическая линия психологизма романа не дает четкого ответа на этот вопрос, и поэтому И. Макьюэн апеллирует к художественному дискурсу, воплощенному в мировоззрении Клариссы. Два типа сознания, метафорически представленные двумя персонажами романа, не замыкаются каждый в своей оболочке, а, как и в случае с героями Д. Лоджа (Думают...») и «Хорошая работа»), плавно перетекают одно в другое, обогащая друг друга и вызывая к жизни знаменитую китсовскую «негативную способность». Джо как носитель научного и рационального типов мышления пытается ассимилировать в своем сознании и другой его вариант. Оказывается, что в человеческом эмоциональном опыте существуют стороны, не поддающиеся научным доказательствам, а опыт любовного переживания практически одинаково выражается как в дискурсе здоровой психики, так и нарушенной. Джо как репрезентант центрального сознания в романе приходит к выводу о тонкой и размытой черте между больным и здоровым, между нормой и патологией. Психоаналитический дискурс находит выражение в использовании приема «документа».

Психологизм романов писателя отличается следующими чертами: особая интроспекция, которая служит для определения типа сознания – научно-рационального или иррационального / мистического / художественного (концептуальные формы); бинарная оппозиция в связи душевных элементов обладает также свойством стирания границ и «перетекания» одного типа сознания в другой, для чего автор задействует новейшие научные теории, малоисследованные загадки человеческой психики (научно-аналитическая форма); Макьюэн прибегает к «черному» психологизму, который выражается в смещении преобладающего эффекта «ужасного» с внешних объектов в область психологии с изобра-

жением перверсий и отклонений. В совокупности все это приводит к своеобразному «эмоциональному реализму» и апеллированию к эмпатии как форме рецептивного психологизма.

В разделе 3.3 **«Психологизм травмы в творчестве П. Баркер: трилогия «Возрождение»»** рассматриваются произведения писательницы с позиции концепта травмы. Отражению социальной реальности в творчестве П. Баркер посвящены работы В. Г. Новиковой, Д. Уотермана, военной тематике – статьи и монографии Л. Викрой, К. П. Кнутсена, Ш. Монтит, М. Радвана, М. Ролинсона, П. Уилер, К. Уэстмана, К. Хьюитт. Анализ критического арсенала показал, что проблема психологизма в прозе П. Баркер требует комплексного и концептуального подхода.

П. Баркер начала свою карьеру с романов о людях низших сословий, о девушках из рабочих семей: «Юнион-стрит», 1982; «Взорви свой дом», 1984; «Лизина Англия», 1986; «Человек, которого там не было», 1989. Психологизм этих романов предопределен проблемами класса и гендера, психологический конфликт обусловлен принципом бинарной связи душевных элементов.

Наличие в романах П. Баркер интертекстуальных связей с лоуренсовскими произведениями усиливает преемственность предшествующей традиции в изображении внутреннего мира человека в английской литературе. Романы о Первой мировой войне «Возрождение» (1991), «Глазок в двери» (1993) и «Дорога призраков» (1995) отличаются синкретизмом, жанровой гибридность, сложным психологизмом. Выходя на новые рубежи в XXI в., П. Баркер переносит свои творческие предпочтения из прежних произведений и синтезирует их в таких романах, как «Другой мир» (1998), «Пересечение границы» (2001), «Двойное видение» (2003), «Качество жизни» (2007), «Комната Тоби» (2012), «Полдень» (2015). В них развивается особый психологизм, который отличает ее творческую манеру, наиболее концентрированно проявившуюся в трилогии «Возрождение». В психологическом изображении героев наблюдается также преемственность, унаследованная от В. Вулф.

Главными темами трилогии «Возрождение» стали не только военные действия Первой мировой, но и психология травмированного войной солдата, тяжелейшие душевные потрясения и попытки сознания излечить душевную рану. Первая мировая война заложила основы эстетического мировоззрения, рассматривающего XX в. как век травмы.

П. Баркер проповедует глубинно-психологический взгляд на сознание субъекта, акцентируя его отелесненность. Синтез проблем сознания и телесности вызван выдвиганием на передний план в эстетике и культуре второй половины XX в. аксиологического статуса человеческого тела как особого рода гуманистической ценности. В «Возрождении» речь идет о госпитале для офице-

ров «Креглокхарт» в Шотландии, попавших туда вследствие психосоматического состояния, которое вначале носило название «*shell shock*». Со временем выяснилось, что это не просто контузия, а особый, сложный и в каждом случае индивидуальный синдром, который впоследствии стали называть «военным неврозом». В романе действует герой, прототипом которого является известный английский врач-психоаналитик, антрополог и невролог У. Х. Риверс (1864–1922). Трилогия строится на художественном изображении с привлечением научных исследований совершенно нового психологического феномена военной травмы, воплощением которой является вымышленный персонаж Билли Прайор.

Психологизм реализуется через симбиоз образов психики и тела, «пафос телесности» как метафоры. Коллективный образ травматического сознания создается посредством «рассеивания» отдельных фрагментов сюжета и изображения персонажей с интенсивным выражением их чувства вины, подавленности, стресса и способов сублимации этих переживаний. Это напоминает «точечный» психологизм В. Вулф, однако здесь он функционирует в изображении отрывочных психических состояний, фрагментов памяти с травматическими воспоминаниями. Все это складывается в «мозаичную» картину мира.

Врач-психотерапевт в романе пытается заставить пораженных военным неврозом говорить о том, что их мучает. Но память создает нежелательный защитный механизм, ставит барьеры к воспоминанию травматического опыта. Повествовательный модус романов предопределен законами работы сознания, в частности протоколов памяти. П. Баркер тщательно разработала саму концепцию памяти как связующего звена между функциями психики, соматическими реакциями и рациональным осмыслением событий. Мы имеем дело с формой научно-аналитического психологизма, когда автор использует научные данные и художественно трансформирует психическую травму в личные истории, рассказанные памятью, эмоциональные переживания – во внешнюю речь, сохраняя ее диалектальные, социальные и идиолектные особенности.

Травматическая модель сознания как концептуальная форма психологизма пересекает границы характеропостроения, задействует пейзаж, который приобретает внутреннюю визуальность, психоаналитический дискурс в изображении подавленности и состояния непреходящей скорби, сложной психодинамики, в которую входит также классовое сознание. В изображении массовой психологической травмы важным является раскрытие механизмов подавления сугубо личного и приватного и их табуирования Супер-Эго, что тесно связано с имаго отца, которое распадается на несколько составляющих: материально представленный образ (отцы-персонажи), психически отраженный образ (воспоминания, реакции на фигуру отца) и образ-голос Супер-Эго («дискурс от-

цов»). Собираетелный образ отцов юношей, ушедших на фронта Первой мировой, насыщен псевдопатриотизмом и деспотическим эмоциональным насилием. Образ отца – это травматическая составляющая сознания, способная вызвать скрытое чувство вины.

П. Баркер акцентирует вслед за З. Фрейдом сложные отношения между неосмысленным поведением толпы и мыслящим индивидом. Апеллирование к классическим текстам (Библии) через одновременное привлечение психоаналитического дискурса занимает особое место в создании художественной модели травматического сознания. Важным элементом психологизма романов является также гендерный компонент – стремление мужчин доказать свою мужественность в глазах отцов и всего общества и «реверсия» гендерных ролей. П. Баркер также обращается к психоаналитическому дискурсу и двойничеству, изображенному как необходимый компонент психики.

В итоге психологизм трилогии реализуется в синтезной концептуальной форме – художественной модели массовой военной травмы (телесность, психосимволика пейзажа, изображение травмированной психики человека на войне, двойничество, имаго отца, образ героя-психоаналитика, носителя военной травмы), а также аналитической форме (психоаналитический дискурс и интертекст). Трилогия «Возрождение» – сложное многоуровневое произведение, изображающее историческое событие в тесной связи с образами массового сознания, глубокие подсознательные корни поведенческих моделей в любом обществе, независимо от уровня развития цивилизации.

В разделе 3.4 **«Формы психологизма в контексте постмодернистской концепции личности»** рассмотрен психологизм в двух романах, соотносимых с практикой постмодернизма. В подразделе 3.4.1 **«Художественная модель маргинального сознания в романе Дж. Коу “Дом сна” и постмодернистская концепция личности»** изучены художественные средства изображения маргинального сознания в рамках постмодернистской концепции личности, что выразилось в идейном послые романа, провозглашающем плюрализацию мышления. Дж. Коу прибегает к теме трансгендера, маргинальной личности, использует структуру сна в сюжетопостроении, проводит параллель между романной формой и когнитивной психологией на гипертекстуальном уровне. Все это в итоге образует форму научно-аналитического психологизма, отличающуюся привлечением постмодернистских философских концепций, в частности Р. Барта и Ж. Лакана.

В подразделе 3.4.2 **«Научно-аналитическая форма психологизма в романе Д. Лоджа “Думают...”: разрушение бинарных оппозиций»** изучены особые приемы и техники постмодернистского письма: пародийное воспроизведение приема «потока сознания», дискурс сознания разных персонажей, игра с аллюзиями. Все это составляет новаторский подход к проблеме сознания. На

примере конфликта и одновременно диалога мужского и женского, культуры и цивилизации, искусственного интеллекта и человеческого сознания, художественного и научного дискурсов Д. Лодж уравнивает данные бинарные оппозиции и очерчивает некоторые проблемы постгуманистической парадигмы: чувственность в техногенную эпоху, роль информационных технологий в межличностном общении, сложности интроспекции и границы научных знаний о психологии человека.

В выводах третьей главы указывается, что художественный психологизм британского романа в последней трети XX в. представляет собой синтез различных форм, отражает динамику от изображения к анализу и концептуализации, вырабатывает установки на воспринимающее сознание. Постмодернистская концепция личности повлияла на идейно-содержательный аспект психологизма: сознание изображается в расширенном диапазоне различных нетипичных состояний, проблематизируется оппозиция «больное – здоровое», «познаваемое – непознаваемое», «нормальное – маргинальное». Сознание становится онтологической проблемой современности. Писатели второй половины XX в. делают особый акцент на включении активной читательской реакции в общие свойства произведений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные научные результаты диссертации

Проведенный комплексный формально-содержательный анализ объекта исследования, систематизация теоретических положений по проблеме психологизма позволили сформулировать следующие итоги:

1. Психологизм как литературоведческая категория представляет собой открытую парадигму, поскольку эволюция цивилизационных и культурных процессов постоянно расширяет и модифицирует способы художественной репрезентации сознания: изображение чувств, мыслей, эмоций, раскрытие бессознательных процессов, психологический анализ мотивов и желаний, картину взаимоотношений «я» с миром, а также воздействие на читательское сознание. Психологизм (в прозе) – особое психологическое свойство произведения, которое функционирует на уровнях а) стилистической реализации (комплекс способов / приемов психологического изображения – прямых и косвенных неаналитических и аналитических), б) характерологии (типы / модели характеров от схематичных до усложненных и индивидуализированных), в) методологической установки (изображение психологии персонажа, анализ эмпирический или научный, концептуализация личности и сознания) и г) рецепции (установка на провоцирование психологической реакции в читательском сознании). Формы психологизма – система разноуровневых средств выражения психологического

содержания, создающих цельное психологическое свойство произведения, его особое психологическое пространство. Общая типология психологизма может быть представлена абстрактными и конкретно-историческими типами (средневековый, романтический, реалистический, модернистский, постмодернистский). Психологизм подвижен, его формы совершенствуются по мере углубления интереса к личностному началу и делятся на феноменологические (изображающие), аналитические (апеллирующие к анализу любого вида), концептуальные (художественные модели сознания) и рецептивные [2; 38; 40; 43; 54].

2. Парадигма художественного психологизма британского романа XX в. включает научный модус и эпистему сознания. Развитие наук, в особенности психологии и психоанализа, нашло отражение в романной проблематике и в эссеистике писателей-модернистов В. Вулф, Д.Г. Лоуренса, Г. Рида. Концепции психологии о текучести сознания, изменчивости восприятия внешних объектов, ассоциативности и психо-физиологизме (Д. Хартли, Г. Спенсер, Э. Мах, У. Джеймс), о бессознательном как психической реальности (З. Фрейд, К. Г. Юнг) стали основой художественной мысли, вследствие чего многие авторы определяются как писатели-психологи. Научный модус также выразился в распространении в художественном дискурсе научной лексики. Психоанализ наиболее ощутимо сказался на нарративном и характерологическом аспектах романов; «поток сознания» оформился стилистически и стал применяться осознанно. Расширение феноменологического психологизма сказалось в более широком диапазоне изображенных психических процессов и состояний, в т.ч. маргинальных и травматических, в психоаналитической проблематике – Эдипов комплекс, сексуальность, конфликт сознания и подсознания. Психоанализ стал эстетической системой и культурным нарративом XX в., что привело к появлению психоаналитического романа и разработке новой модели характера – врача-психоаналитика (А. Мердок, Д. Лессинг, Дж. Фаулз, Д. Лодж, Дж. Коу, С. Фолкс, Х. Курейши, Г. Свифт, С. Виллерс, П. Баркер и др.). Открытия когнитивной психологии и нейробиологии были художественно реализованы на идейно-тематическом и образном уровнях романов И. Макьюэна, Д. Лоджа, Дж. Коу и др. Помимо изображения сознания конкретного характера, психологизм включает художественную модель сознания, которая основана на осмыслении вопросов бытия человека в мире и в себе самом, не поднимавшихся ранее, возникших в результате воздействия мощных глобально-исторических процессов. Влияние войны (в особенности Первой мировой) привело к широкой эстетической разработке проблемы травмы. Вырисовываются такие концептуальные формы психологизма, как художественные модели маргинального сознания в романах В. Вулф, И. Макьюэна, экологического – у Д. Г. Лоуренса, травматического – у В. Вулф, И. Макьюэна, П. Баркер, религиозно-мистического – у Д. Г. Лоуренса, И. Макьюэна, научно-рационального и интеллектуально-философского – у

Г. Рида, А. Мердок, телесного – у Д. Г. Лоуренса, П. Баркер. Обновилась жанровая форма психологического романа с образованием гибридных ее разновидностей: психоаналитического, философско-психологического, экпсихологического, романа сознания и романа травмы [1; 2; 6; 8; 10; 11; 13; 15; 17; 18; 24; 28; 30; 37; 38; 43; 49; 54; 57; 58; 60].

3. В психологическом романе английского модернизма произошла существенная трансформация предмета изображения и способов и принципов раскрытия внутреннего мира персонажа. В конкретно-историческом типе модернистского художественного психологизма расширилась феноменологическая форма. В. Вулф выбирает сознание как объект изображения вне связи с характером. Ее особый психологический эксперимент с моделированием сознания в романе проходит от изображения бинарности душевных элементов до включения ассоциативных связей с психоанализом и выработки «точечной» формы психологизма. Эта форма функционирует посредством спорадического изображения психических процессов, их субъективной фрагментированности, резкой смены временных пластов – романного настоящего и психологического времени, смены в позиции нарратора, фокусировки на «вспышках» эмоций, одушевления деталей, синестетической образности, внедрения элементов «потока сознания», разрыва между внешней речью, вербализованной мыслью и имплицитностью смысла, создания «разбитых» диалогов, уникальной парцелляции. Концептуальная форма психологизма – художественная модель травматического и маргинального сознания – реализуется В. Вулф посредством выбора героя, психически травмированного войной, опоры на научные знания о военной травме, использования окказиональных психо-символов, развития возможностей несобственно-прямой речи, отказа от узости трактовки психологических отклонений, художественного моделирования психологических процессов восприятия [1; 2; 11; 13; 18; 23; 45; 57].

4. Новаторство разработки художественного психологизма Д. Г. Лоуренсом, основанное на постулировании приоритета внутреннего мира над внешним, послужило образцом для дальнейшего романного творчества в XX в. (А. Мердок, И. Макьюэн, П. Баркер). Телесность – стилистический способ психологического изображения – обрела системный характер выраженности в «корпоральном» дискурсе в романах Д. Г. Лоуренса, в том числе в тесной связи с психосоматической психоаналитической концепцией писателя, и трансформировалась в концептуальную форму психологизма – художественную модель телесного сознания. Писатель также разработал оригинальную культуру эмоционального переживания, которая выражена в идеологическом строе произведения, посредством активного включения авторского психологического анализа, интроспективности многоуровневого характера, реализации теории бессознательного. Индивидуально-авторской концептуальной формой психологизма

можно считать «калейдоскопический» психологизм – модель сознания, обладающего «немонологической» перспективой, включающего в себя бессознательные инстинкты, вдохновение и интуитивное познание мира. Приемами реализации такой формы психологизма стали противопоставление «полярного» и «дуалистического» мировоззрения антитетических характеров, динамика изменения взглядов через философские диалоги, мотив текучести в образах, сюжете и композиции, мифологизм в сочетании с авторской психосимволикой, внимание к единичным состояниям души и тела, обращение к тактильно-интуитивной, помимо визуальной, образности, психологическая функция пейзажа. Концептуальная форма психологизма двойничества у Д. Г. Лоуренса достигается композиционной симметрией (деление на пары и гендерные роли), привязкой характеров к мифологическим двойникам, мотивом платоновского «расщепления» в поисках недостающей «половинки», самовыражением через двойственный смысл искусства (рисунок и танец), мотивами зеркального отражения, тени, тотемного двойника, психологической проекции (Анимы / Анимуса), «двойной субъективности». Художественная модель экологического сознания (как концептуальная форма) намечается Д. Г. Лоуренсом в изображении тесной связи сознания, природной среды и космоса, в мотиве отказа от благ цивилизации и ухода в природу, в мистических состояниях героев [1; 2; 5; 7; 10; 16; 21; 22; 23; 25; 26; 27; 29; 33; 37; 39; 41; 42; 44; 57; 59].

5. Анализ творчества Г. Рида позволяет сделать вывод о переходе от феноменологического психологизма к аналитическому (интеллектуально-философскому и научному). Эссеистика писателя определила творческие принципы в его прозе, главным из которых стала пропаганда достижений психоанализа. В романе «Зеленое дитя» были синтезированы новые формы психологизма: интеллектуально-философская форма создается с помощью а) методично продуманной симметрической структуры, отражающей три психологически важных этапа в развитии сознания – детство, опыт социализации зрелого возраста и погружение в саморефлексию; б) фиксированной символической идеи о сути сознания (образы воды и камня); научно-аналитическая форма психологизма генерируется с помощью интертекстуальной связи с психоанализом З. Фрейда и К. Г. Юнга, которая состоит в следующем: использование мотива юнгианского «квеста» в сюжете романа, обращение к детской психике, телесности, сексуальности, фантазированию, Эдипову комплексу (в духе З. Фрейда), психоаналитический дискурс [2; 11; 14; 32; 54].

6. Интеллектуально-философская форма психологизма – явление не только конкретно-историческое, но и системно-методологическое, присущее группе авторов, которые воссоединили философские идеи и репрезентацию психологии в литературе (Г. Рид, А. Мердок, У. Голдинг, Дж. Фаулз, К. Уилсон).

В отличие от эмпирической, созерцательной аналитики предыдущих эпох, писатели XX в. активно внедрились научные знания в художественный дискурс и вывели новые типы персонажа (каковым, в частности, является врач-психоаналитик). А. Мердок в философско-психологических романах реализует психологизм через характерологию, создав ряд персонажей психоаналитиков в ощущаемом эволюционном их развитии: от карикатурного типа до сложного, многоаспектного характера. Такой характер выполняет роль проводника в концепцию личности с позиции культуры эмоционального переживания и воплощает «экологию души». Научно-аналитический психологизм А. Мердок реализуется через интертекстуальные аллюзии на теории З. Фрейда и К. Г. Юнга, психоаналитический дискурс (в том числе пародийный) и его полемику с экзистенциальным и религиозным дискурсами. Этому способствуют интроспекция, избыточная рефлексия, авторский комментарий. Психологизм романов А. Мердок выразился и на уровне установки для воспринимающего сознания: рецептивными формами являются уход от горизонтов читательского ожидания и разрушение стереотипов и предварительной заданности в трактовке человеческого сознания [2; 19; 24; 35; 48; 51].

7. Художественный психологизм британского романа последней трети XX в. представляет собой синтез различных форм, которые, кристаллизуясь в литературном процессе, видоизменяются под воздействием новых открытий в психологии и смежных науках. Синкретичный характер психологизма в романах И. Макьюэна реализуется посредством критического переосмысления научных знаний, открытий в когнитивной психологии, бихевиоризме, теории Дарвина, нейробиологии в тесной связи с эстетической тематикой (добро / зло, проблема любви, инаковости, сознания, бессознательного) и мистикой и иррациональным (научно-аналитический психологизм и драматизация конфликта разных типов сознания). При этом Макьюэн трансформирует архетипическое в психологическое, синтезирует дуалистичность мировосприятия через прием «перетекания» сознаний. «Эмоциональный реализм» романов И. Макьюэна – это объективное изображение внутренней многогранности содержательного компонента человеческого сознания и его состояний. «Черный» психологизм, представленный в творчестве И. Макьюэна, – синтетическая форма, акцентирующая маргинальное, девиантное, маниакальное, перверсивное, высвечивающая темную сущность человеческого сознания с целью расширить понимание природы человека. Концептуальной формой психологизма является художественная модель национальной идентичности, в которой «английскость» представлена как исторически травмированное неразвитое самосознание с подавленной эмоциональностью и телесностью. Для художественного психологизма романов И. Макьюэна характерны рецептивные формы провоцирования шока, эмпа-

тии (апеллирование к познанию полноты разнообразных проявлений человеческой психологии), апеллирование к междисциплинарным знаниям [2; 12; 25; 28; 46; 47; 52; 53; 56].

8. П. Баркер создала гибридные разновидности жанра военного / психологического романа (романа травмы), органично вплетая анализ внутреннего мира героев в военную, гендерную и социальную тематику. Психологизм функционирует на стилистическом уровне: используются принцип «точечности» и фрагментарности в изображении эмоций и состояний сознания, приемы телесности и психологического анализа. Характерологический уровень психологизма романов П. Баркер позиционирует авторитетность фигуры психоаналитика, подкрепленную библейскими аллюзиями и гуманистически ориентированной рефлексией, объективность в изображении носителей военного невроза / травмы через натуралистическую деталь, а также трансформацию образа-характера в образ-имаго, что выражается через крайнюю субъективность восприятия героями других субъектов и метафоричность. Автор пересоздает научно-аналитический психологизм, прибегая к документальности, внедрению персонажа, идентичного прототипу, а также посредством миметического воплощения психоаналитических дискурса и теорий, выраженных диалогами и внутренним монологом психоаналитика. Концептуальный психологизм романов П. Баркер объективно реализуется в художественной модели травмированного сознания, с помощью коллективного образа солдат, а также массового сознания в параллели разных цивилизаций. В романах Дж. Коу и Д. Лоджа реализована постмодернистская концепция личности, основанная на размывании оппозиции «мужское – женское», «культура – цивилизация», «рациональное – иррациональное», «истинное – ложное», «больное – здоровое». Научно-аналитическая форма психологизма отличается внедрением в художественный дискурс данных нейробиологии, когнитивных наук, мировоззренческой концепции сознания как текста. Концептуальная форма психологизма в романах Дж. Коу реализована в художественной модели маргинального сознания в научном обосновании. Д. Лодж разрабатывает художественную модель телесного сознания с применением концепции тела как текста и разбивает бинарную оппозицию «искусственный интеллект – человеческое сознание». Типологические параллели между британской и белорусской литературой наблюдаются в сходных подходах к изображению психологических реалий Д. Г. Лоуренсом и В. Ластовским, в экологических мотивах И. Макьюэна и И. Пташникова, в психологическом взгляде на войну П. Баркер и С. Алексиевич, в разработке «экологии души» А. Мердок и Е. Янищиц [1; 2; 3; 4; 8; 9; 18; 20; 23; 28; 31; 34; 36; 44; 45; 46; 50; 51; 55].

Рекомендации по практическому использованию результатов

1. Результаты исследования могут быть востребованы в научных проектах, связанных с историей литературы Великобритании XX в., таких как коллективные монографии или выполнение кафедральных научных тем.

2. Теоретические выводы по проблеме художественного психологизма позволят обновить соответствующие аспекты курсов теории литературы, послужат основанием для редакции некоторых разделов учебных пособий, литературоведческих словарей и энциклопедий.

3. Разработанные подходы к интерпретации романов Д.Г. Лоуренса, В. Вулф, Г. Рида, А. Мердок, И. Макьюэна и П. Баркер могут стать учебным практическим материалом в курсах интерпретации художественного текста и художественного перевода.

4. Результаты изучения творчества Г. Рида, И. Макьюэна и П. Баркер могут быть более широко внедрены в типовые, базовые и рабочие программы по истории литературы Великобритании, в программы семинарских и практических курсов истории литературы.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ СОИСКАТЕЛЯ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Монографии

1. Ragachewskaya, M. *Desire for Love: The Secret Longings of the Human Heart in D. H. Lawrence's Works* / M. Ragachewskaya. – Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2012. – 198 p.

2. Рогачевская, М. С. Новые формы психологизма в британском романе XX века / М. С. Рогачевская. – Минск : Новое знание, 2015. – 444 с.

Статьи в научных изданиях, рекомендованных ВАК, и зарубежных рецензируемых научных сборниках

3. Рогачевская, М. С. Концепт телесного в романах Д. Лоджа «Терапия» и «Думают...» / М. С. Рогачевская // Вестн. СевГТУ. Сборник научных трудов. Вып. 5, Филология / Севастоп. нац. тех. ун-т. – Севастополь : Изд-во Сев. НТУ, 2005. – С. 111–120.

4. Ragachewskaya, M. *Conflict Between Cognitive Science and Fiction Narrative in David Lodge's Thinks...* / M. Ragachewskaya // *Literatures in English in the Context of Post-Colonialism, Postmodernism and the Present* / ed. J. Kusnir. – Prešov : Prešovska univerzita v Prešove, 2007. – P. 281–290.

5. Ragachewskaya, M. *The Sense of Becoming and Initiation in D. H. Lawrence's Short Novel The Man Who Died* / M. Ragachewskaya // *Études Lawrenciennes 37: Shift, Movement and Becoming*. – Paris : Université Paris 10, 2007. – P. 215–227.

6. Рагачэўская, М. С. Кампаратыўны аналіз некаторых тэндэнцый адлюстравання духоўных пошукаў праз цялеснасць у Д. Г. Лоўрэнса і сучасных беларускіх аўтараў / М. С. Рагачэўская // Вестн. МГЛУ. Серия 1. Филология. – 2008. – № 1 (32). – С. 187–197.

7. Ragachewskaya, M. *Couples and Doubles in Women in Love* / M. Ragachewskaya // *Études Lawrenciennes 38: The One and the Many*. – Paris : Presses universitaires de Paris Ouest, 2008. – P. 149–170.

8. Рогачевская, М. С. Дискурс «традиции» и «потока сознания» в романах Д. Лоджа «Терапия» и «Думают...» / М. С. Рогачевская // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитар. науки. – 2009. – № 1. – С. 115–121.

9. Ragachewskaya, M. *Fictional Memory and the Narrating Mind in J. Coe's Novel The House of Sleep* / M. Ragachewskaya // *Ars Aeterna. Art in Memory, Memory in Art*. – Nitra : Constantine the Philosopher University Faculty of Arts. – 2009. – Vol.1, No. 2 – P. 56–62.

10. Ragachewskaya, M. The Political and the Psychological in *Kangaroo* / M. Ragachewskaya // *Études Lawrenciennes* 40: Power and Authority in D. H. Lawrence's Work. – Paris : Presses universitaires de Paris Ouest, 2009. – P. 91–108.

11. Ragachewskaya, M. Psychoanalysis in the Works of Modernists: From Theory to Fantasy (H. Read and D. H. Lawrence) / M. Ragachewskaya // *On the Borders of Convention* / ed. A. Nikčević-Batrićević, M. Krivokapić. – Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2010. – P. 19–28.

12. Ragachewskaya, M. S. Fiction in Search of Theory: I. McEwan's *Enduring Love* / M. S. Ragachewskaya // *The Face of the Other in Anglo-American Literature* / ed. M. Krivokapić, A. Nikčević-Batrićević. – Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2011. – P. 187–196.

13. Рогачевская, М. С. Влияние психологии на литературу в контексте рубежа веков и модернизма / М. С. Рогачевская // *Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитар. науки.* – 2012. – № 10. – С. 38–43.

14. Ragachewskaya, M. S. An Alternative View of the World in Herbert Read's Novel *The Green Child* / M. S. Ragachewskaya // *Voicing the Alternative : Essays on English Language and Literary Studies* / ed. A. Nikčević-Batrićević, M. Krivokapić. – Nikšić : Filozofski Fakultet, 2012. – p. 309–319.

15. Ragachewskaya, M. S. «The Dream» and «Darkness» on a Psychoanalyst's Couch / M. S. Ragachewskaya // *Byron's Poetry* / ed. P. Cochran // Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2012. – P. 146–154

16. Ragachewskaya, M. S. The Logic of Love: Deconstructing Eros in Four of D. H. Lawrence's Short Stories / M. S. Ragachewskaya // *Études Lawrenciennes*, 43. A New Sensitive Awareness. – Paris : Presses universitaires de Paris Ouest, 2012. – P. 105–128.

17. Рагачэўская, М. С. Станіслаў Грынкевіч – пачынальнік псіхалагічнай прозы / М. С. Рагачэўская // *Роднае слова.* – 2013. – № 3. – С. 9–12.

18. Рагачэўская, М. С. Цывілізацыя і прырода ў экапсіхалагічных творах сучасных англамоўных і беларускіх аўтараў / М. С. Рагачэўская // *Вест. МГЛУ. Серія 1. Філологія.* – 2013. – № 2(63). – С. 103–110.

19. Рогачевская, М. С. Образ психоаналитика в романах А. Мердок «Отрубленная голова» и «Школа добродетели» / М. С. Рогачевская // *Веснік БДУ. Сер. 4. Філалогія, журналістыка, педагогіка.* – 2013. – № 2. – С. 18–21.

20. Рогачевская, М. С. Eloi, Eloi, Lama Sabachthani? – Или жертвы цивилизации в романе Пэт Баркер «Дорога призраков»: история, психология, сакральность / М. С. Рогачевская // *Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитар. науки.* – 2013. – № 1. – С. 18–21.

21. Ragachewskaya, M. No Dancing Matter: The Language of Dance and Sublimation in D. H. Lawrence / M. Ragachewskaya // *Études Larenciennes*, 44. Language and Languages. – Paris : Presses universitaires de Paris Ouest, 2013. – P. 187–204.

22. Ragachewskaya, M. The Voyage in D. H. Lawrence's Cosmological Symbolism in Psychological Terms / M. Ragachewskaya // Lake Garda: Gateway to D. H. Lawrence's Voyage to the Sun / ed. N. Ceramella. – Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2013. – P. 89–99.

23. Ragachewskaya, M. Traumatized by Civilization: Lawrence's and Pat Barker's Great War Characters through the Freudian Lens / M. Ragachewskaya // Études Lawrenciennes 45. D. H. Lawrence and the Discontents of Civilization. – Paris : Presses universitaires de Paris Ouest, 2014. – P. 161–184.

24. Ragachewskaya, M. «Analyze This», or The Way with Shrinks in British Literature / M. Ragachewskaya // Footpath. A Journal of Contemporary British Literature in Russian Universities. – 2015. – № 8(3). – P. 19–28.

25. Ragachewskaya, M. D. H. Lawrence and Dance / M. Ragachewskaya // The Journal of D. H. Lawrence Studies. D. H. Lawrence Society, Eastwood, Notts. – 2015. – Volume 3, Number 3. – P. 179–185.

26. Ragachewskaya, M. D. H. Lawrence and a New Ecological Consciousness / M. Ragachewskaya // D. H. Lawrence Studies (Korea). – 2015. – Vol. 23, № 2. – P. 49–69.

27. Ragachewskaya, M. War Trauma and Madness in the Fiction of D. H. Lawrence and Virginia Woolf / M. Ragachewskaya // Études Lawrenciennes 46, 2015: D. H. Lawrence, his Contemporaries and the First World War [En ligne]. – Mode of Access: <http://lawrence.revues.org/239>.

28. Рогачевская, М. С. Роман сознания как жанровая разновидность в современной британской литературе / М. С. Рогачевская // Мировая литература в контексте культуры. – 2016. – ВЫПУСК 6 (11). – С. 149–158.

Статьи в журналах и научных сборниках

29. Рогачевская, М. С. Новеллистика Д. Г. Лоуренса / М. С. Рогачевская // Проблемы идентичности, расы, этноса, гендера в литературах и культурах Старого и Нового света / под ред. Ю. В. Стулова – Минск. : Изд-во ЕГУ, 2004. – С. 52–54.

30. Рогачевская, М. С. Не сотвори себе... двойника: Двойничество в новеллах Э. По / М. С. Рогачевская // Проблемы истории литературы. Сборник статей. Выпуск двадцатый. – Москва-Новополюк, 2007. – С. 371–380.

31. Рогачевская, М. С. Женщины «петушатся», мужчины «кудахчут»? Метафора Д. Г. Лоуренса и ее дискурсивность в романах Д. Лоджа / М. С. Рогачевская // Мужское и мужественное в современной культуре: Научные доклады и сообщения / Отв. ред. Н. Х. Орлова. – СПб. : СПбГУ, 2009. – С. 159–162.

32. Рогачевская, М. С. «To Hell with Culture!» («К чертям культуру!»): культурные альтернативы Герберта Рида / М. С. Рогачевская // Универсальное и

национальное в культуре : сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : Э. А. Усовская (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Издательский центр БГУ, 2012. – С. 210–220.

33. Рогачевская, М. С. «Любовник леди Чаттерли»: культура эмоционального переживания в оригинале и перевод / М. С. Рогачевская // Из истории переводческой мысли : Мат-лы Междунар. конф. в рамках проекта «Национально-исторические традиции в переводе» (Москва, 13–15 сентября 2012 г.) / Под ред. Н. Рейнгольд (на русском и английском языках) – М. : ИЦ РГГУ, 2013. – С. 70–79.

34. Ragachewskaaya, M. Interdisciplinary Reading of Pat Barker's Novel *The Ghost Road* / M. Ragachewskaaya // Преподавание английского языка и смежных дисциплин: перспективы на будущее : сб. науч. ст. / под ред. Ю. В. Стулова. – Минск : МГЛУ, 2015. – С. 89 – 95.

35. Рогачевская, М. С. Экология души как метафора культуры эмоционального переживания в романе А. Мердок «Святая и нечестивая машина любви» / М. С. Рогачевская // Американские и европейские исследования: 2012–2014 / под ред. Ю. В. Стулова. – Минск : МГЛУ, 2016. – С. 180–187.

36. Ragachewskaaya, M. S. A Boon or a Bane? An Artist and War in Pat Barker's Novel *Toby's Room* / M. S. Ragachewskaaya // Американские и европейские исследования: 2012–2014 / под ред. Ю. В. Стулова. – Минск : МГЛУ, 2016. – С. 257–262.

Материалы научных конференций

37. Рогачевская, М. С. Д. Г. Лоуренс и классический психоанализ (о реализации некоторых теорий психоанализа в художественной прозе) / М. С. Рогачевская // Проблемы творческого освоения действительности в литературе Великобритании. Мат-лы XIII Междунар. конф. Рос. ассоц. преподавателей англ. лит-ры. (Москва, 16–21 сентября 2003). – М. : Лит. ин-т им. Горького, 2003. – С. 107–109.

38. Ragachewskaaya, M. Language, Literature and Psychology / M. Ragachewskaaya // Преподавание английского языка: новизна и поиск качества: Мат-лы Междунар. науч. конф. – Минск, 21–23 ноября 2002 г. – Минск : МГЛУ, 2004. – С. 137–138.

39. Рогачевская, М. С. Двойничество в английской литературе (на примере психологической прозы Д.Г. Лоуренса) / М. С. Рогачевская // Мат-лы ежегод. науч. конф. преподавателей и аспирантов ун-та 24–25 апр. 2007 г. : в 5 ч. Ч. 5 / отв. ред. Н. П. Баранова. – Минск : МГЛУ, 2007. – С. 93–96.

40. Рогачевская, М. С. Интерпретация художественного текста в системе ведущих литературоведческих подходов XX века / М. С. Рогачевская // Постклас-

сическая стилистика и дискурсивный анализ текста: мат-лы межкафедр. круглого стола (каф. стилистики англ. яз.), 14 дек. 2006 г. / МГЛУ; редкол.: С. Е. Кунцевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2008. – Вып. 1. – С. 77–81.

41. Рогачевская, М. С. Структурно-тематическая и философская усложненность романа Д. Г. Лоуренса «Влюбленные женщины» / М. С. Рогачевская // Актуальные вопросы германской филологии и методики преподавания иностранных языков: сб. материалов XII респ. науч.-практ. конф., Брест, 14 марта 2008 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина; редкол. М. Г. Гец [и др.]. – Брест, 2008. – С. 193–197.

42. Рогачевская, М. С. Психология лидера в романе Д. Г. Лоуренса «Кенгуру» / М. С. Рогачевская // Мат-лы ежегод. науч. конф. преподавателей и аспирантов ун-та. 22–23 апр. 2008 г.: в 5 ч. Ч. 5. / отв. ред. Н. П. Баранова. – Минск : МГЛУ, 2009. – С. 76–79.

43. Рогачевская, М. С. Психоаналитический дискурс и художественная литература / М. С. Рогачевская // Постклассическая стилистика и дискурсивный анализ текста: мат-лы межвуз. круглого стола (каф. стилистики англ. яз.), 11 дек. 2008 г. / МГЛУ; редкол.: С. Е. Кунцевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2010. – Вып. 2. – С. 22–29.

44. Рагачэўская, М. С. Вытокі экалагічнага мыслення ў навелах Д. Г. Лоўрэнса і В. Ластоўскага / М. С. Рагачэўская // Мат-лы ежегод. науч. конф. преподавателей и аспирантов ун-та, 27–28 апр. 2011 г. : в 5 ч. Ч. 5. / отв. ред. Н. П. Баранова. – Минск : МГЛУ, 20/12. – С. 92–94.

45. Рагачэўская, М. С. Узаемасувязь пачуццёвай і экалагічнай культуры чалавека: экасіхалагічны жанр у літаратуры / М. С. Рагачэўская // Мат-лы ежегод. науч. конф. преподавателей и аспирантов ун-та, 25–26 апр. 2012 г. : в 5 ч. Ч. 5. / отв. ред. Н. П. Баранова. – Минск : МГЛУ, 2013. – С. 46–49.

46. Рагачэўская, М. С. Экалогія вачамі пісьменнікаў: Іан Мак'юэн, В. Казько, І. Пташнікаў / М. С. Рагачэўская // Мат-лы ежегод. науч. конф. преподавателей и аспирантов ун-та, 24–25 апр. 2013 г. : в 5 ч. Ч. 5. / отв. ред. Н. П. Баранова. – Минск : МГЛУ, 2013. – С. 41–44.

47. Рогачевская, М. С. «Английское» и «неанглийское» в конфликте психики героев романа И. Макьюэна «Утешение странников» / М. С. Рогачевская // Национально-культурный компонент в тексте и языке : Мат-лы V Междунар. юбилейн. науч. конф., Минск 6–7 дек. 2012 г. : в 2 ч. / Редкол.: О. А. Полетаева (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2013. – Ч. 2. – С. 27–30.

48. Рогачевская, М. С. Образ героя-психоаналитика в романе А. Мердок «Отрубленная голова» / М. С. Рогачевская // Материалы ежегодной научной конференции преподавателей и аспирантов ун-та, 25–26 апр. 2012 г. : в 5 ч. Ч. 5. / отв. ред. Н. П. Баранова. – Минск : МГЛУ, 2013. – С. 93–96.

49. Рогачевская, М. С. Трансформация жанра психологического романа в современной зарубежной литературе / М. С. Рогачевская // Мат-лы ежегод. научной конф. преподавателей и аспирантов ун-та, 24–25 апр. 2013 г. : в 5 ч. Ч. 5. / отв. ред. Н. П. Баранова. – Минск : МГЛУ, 2013. – С. 3–8.

50. Рагачэўская, М. С. Першая сусветная вайна ў творчасці Пэт Баркер: пераемнасць, памяць і выклік “страчанаму” пакаленню / М. С. Рагачэўская // Першая сусветная вайна ў народнай памяці і мастацкім адлюстраванні : мат-лы. Міжнар. навук. канф. (Мінск, 7–8 кастрычніка 2014 г.) прадм. і ўклад С. Л. Гараніна; навук. рэд. А. І. Лакотка; Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі. – Мінск : Права і эканоміка, 2014. – 233–236.

51. Рагачэўская, М. С. «Экалогія душы» і літаратурны вопыт: лірычная проза Яўгеніі Янішчыц / М. С. Рагачэўская // Мат-лы ежегодн. науч. конф. преподавателей и аспирантов ун-та, 13–14 мая 2014 г. : в 5 ч. Ч. 5 / отв. ред. Н. П. Баранова. – Минск : МГЛУ, 2014. – С. 26–28.

52. Рогачевская, М. С. Контрастивная интерпретация романа И. Макьюэна «Черные псы»: Метафора зла или психологическая депрессия? / М. С. Рогачевская // Контрастивные исследования языков и культур: мат-лы I Междунар. науч. конф. Минск, 29–30 окт. 2013 г. / отв. ред. Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2014. – С. 259–266.

53. Рогачевская, М. С. Нормальное versus маргинальное: на примере романов И. Макьюэна / М. С. Рогачевская // Контрастивные исследования и прикладная лингвистика: мат-лы Междунар. науч. конф., Минск, 29–30 окт. 2014 г. в 2 ч. Ч. 1 / отв. ред.: А. В. Зубов, Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2015. С. 185–189.

54. Рогачевская, М. С. Психоанализ в современной литературе Великобритании: новые подходы / М. С. Рогачевская // Мат-лы ежегодн. науч. конф. преподавателей и аспирантов ун-та, 23–24 апреля 2015 г. : в 5 ч. Ч. 5 / отв. ред. Н. П. Баранова. – Минск : МГЛУ, 2015. – С. 72–75.

55. Рогачевская, М. С. Военные реалии в художественной прозе: романы П. Баркер и С. Алексиевич / М. С. Рогачевская // Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай: да 750-годдзя са дня нараджэння Дантэ Аліг’еры і 85-годдзя Уладзіміра Караткевіча : мат-лы XII Міжнар. навук. канф., Мінск, 22–24 кастр. 2015 г.: у 2 ч. Ч. 2 / пад рэд. Г. М. Бутырчык. – Мінск : РІВШ, 2016. – С. 292–299.

56. Рогачевская, М. С. Стилиевое мастерство Иэна Макьюэна / М. С. Рогачевская // Соловьёвские чтения – 2014: мат-лы 1-й Междунар. науч. конф., Минск, 29–30 мая 2014 г. / редкол.: А. М. Горлатов (отв. ред.), С. Е. Кунцевич [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2016. – с. 17–26.

Разделы в учебных и учебно-методических пособиях

57. Рогачевская, М. С. Literature of the Early 20th Century. Modernism. D. H. Lawrence. *Lady Chatterley's Lover* / М. С. Рогачевская // Практикум по литературе Великобритании и США = A Guide to English and US Literature : учеб. пособие (Учебник высшей школы) / О. А. Судленкова [и др.]; под научн. ред. О. А. Судленковой. – Минск : Авэрсэв, 2006. – С. 77–97.

58. Рогачевская, М. С. Psychological Criticism (Psychoanalytic) / М. С. Рогачевская // Современная методология анализа художественного текста = Contemporary Interpretation Strategies : учеб.-метод. пособие для студентов старших курсов / Н. Э. Жлобо [и др.]; под ред. Н. В. Колядко, М. С. Рогачевской, Ю. В. Стулова. – 2-е изд., испр. – Минск : МГЛУ, 2010. – С. 67–94.

59. Рогачевская, М. С. Модернизм. Дэвид Герберт Лоуренс. «Сыновья и любовники» / М. С. Рогачевская // Мировая литература : практикум для студентов факультета межкультурных коммуникаций / Ю. В. Стулов [и др.]; под. ред. Ю. В. Стулова. – Минск : МГЛУ, 2012. – С. 146–160.

60. Рогачевская, М. С. Human consciousness as the subject of philosophical analysis / М. С. Рогачевская // Малыхина, Г. И., Шепетюк, В. В., Рогачевская, М. С. Философия = Philosophy : учеб. пособие / Г. И. Малыхина, В. В. Шепетюк, М. С. Рогачевская. – Минск : РИВШ, 2016. – С. 183–196.

РЕЗЮМЕ

Рогачевская Марина Станиславовна

Новые формы психологизма в британском романе XX века

Ключевые слова: психологизм; феноменологическая, научно-аналитическая, концептуальная, рецептивная формы психологизма; способ психологического изображения; «черный» психологизм; эпистема сознания; художественная модель сознания; «роман сознания»; концепция личности; культура эмоционального переживания.

Цель исследования – выявление новых форм в парадигме художественного психологизма на разных этапах развития британского романа XX в. в связи с влиянием научных знаний, эволюцией концепции личности и постановкой писателями проблем сознания.

Методы исследования: герменевтический, рецептивный, психоаналитический, культурно-исторический, приемы лингвостилистического и контрастивного анализа.

Полученные результаты и их новизна. Впервые в отечественной науке разработана новаторская концепция динамики форм психологизма как открытой категории в британском романе XX в. и определена опорная парадигма, выделяющая феноменологические, научно-аналитические, концептуальные и рецептивные формы психологизма и их синтез. Усовершенствована методология психоаналитической и рецептивной критики при анализе психологизма романов, толковании тенденций, эволюции и перспектив развития литературы Великобритании, уточнен терминологический аппарат и литературоведческий инструментарий в исследовании психологизма. В творчестве Г. Рида и П. Баркер, впервые введенных в белорусскую науку в рамках диссертационного исследования, выявлены особые научно-аналитические формы психологизма. Впервые определены художественные модели сознания на основе 18 британских романов XX в. в контексте научного модуса романа и эпистемологии сознания: травматическая, экологическая, «калейдоскопическая», а также «точечная» форма психологизма и «черный» психологизм. Установлена типологическая соотнесенность отдельных произведений британской и белорусской литератур в контексте психологизма.

Рекомендации по использованию полученных результатов. Результаты исследования могут быть использованы в университетских программах по зарубежной литературе, лекционных и практических курсах, семинарах по истории английской литературы, коллективных монографиях, на занятиях по интерпретации художественного текста,

Область применения: история зарубежной литературы, теория литературы, художественный перевод, межкультурная коммуникация.

РЭЗІЮМЭ

Рагачэўская Марына Станіславаўна

Новыя формы псіхалагізму ў брытанскім рамане XX стагоддзя

Ключавыя словы: псіхалагізм; феноменалагічная, навукова-аналітычная, канцэптуальная, рэцэптыўная формы псіхалагізму; спосаб псіхалагічнага выяўлення; “чорны” псіхалагізм; эпістэма свядомасці; мастацкая мадэль свядомасці; “раман свядомасці”; канцэпцыя асобы; культура эмацыянальнага перажывання.

Мэта даследавання – выяўленне новых форм у парадыгме мастацкага псіхалагізму на розных этапах развіцця брытанскага рамана XX ст. у сувязі з уплывам навуковых ведаў, эвалюцыяй канцэпцыі асобы і пастаноўкай пісьменнікамі праблем свядомасці.

Метады даследавання: герменеўтычны, рэцэптыўны, псіхааналітычны, культурна-гістарычны, прыёмы лінгвастылістычнага і кантрастыўнага аналізу.

Атрыманыя вынікі і іх навізна. Упершыню ў айчыннай навуцы распрацавана наватарская канцэпцыя дынамікі форм псіхалагізму як адкрытай катэгорыі ў брытанскім рамане XX ст. і выяўлена апорная парадыгма, у якой вызначаны феноменалагічныя, навукова-аналітычныя, канцэптуальныя і рэцэптыўныя формы псіхалагізму і іх сінтэз. Удасканалена метадалогія псіхааналітычнай і рэцэптыўнай крытыкі пры аналізе псіхалагізму раманаў, тлумачэнні тэндэнцый, эвалюцыі і перспектывы развіцця літаратуры Вялікабрытаніі, удакладнены тэрміналагічны апарат і літаратуразнаўчы інструментарый для асэнсавання псіхалагізму. У творчасці Г. Рыда і П. Баркер, якія ўпершыню ўведзены ў беларускую навуку ў рамках дысертацыйнага даследавання, выяўлены асаблівыя навукова-аналітычныя формы псіхалагізму. Упершыню вызначаны мастацкія мадэлі свядомасці на аснове 18 брытанскіх раманаў XX стагоддзя ў кантэксце навуковага модусу і эпістэمالогіі свядомасці: траўматычная, экалагічная, “калейдаскапічная”, а таксама “кропкавая” форма псіхалагізму і “чорны” псіхалагізм. Вызначана тыпалагічная суаднесенасць асобных твораў брытанскай і беларускай літаратур у кантэксце псіхалагізму.

Рэкамендацыі па выкарыстанні атрыманых вынікаў. Вынікі дысертацыі могуць быць выкарыстаны ва ўніверсітэцкіх праграмах па замежнай літаратуры, лекцыйных і практычных курсах, семінарах па гісторыі англійскай літаратуры, калектыўных манаграфіях, на занятках па інтэрпрэтацыі мастацкага тэксту.

Галіна прымянення: гісторыя замежнай літаратуры, тэорыя літаратуры, мастацкі пераклад, міжкультурная камунікацыя.

SUMMARY

Marina Ragachewskaya

Psychologism in Its New Forms in the Twentieth Century British Novel

Key words: psychologism; phenomenological, scientific-analytical, conceptual and receptionist forms of psychologism; means of psychological representation; “black” psychologism; episteme of consciousness; fictional model of consciousness; novel of consciousness; personality concept; culture of emotional experience.

Objective of the thesis – identification of new forms in the paradigm of fictional psychologism at different stages in the development of the 20th-century British novel due to the influence of scientific knowledge, personality concept evolution and the writers’ problematization of consciousness.

Research methodology: hermeneutics, reader-response criticism, psychoanalytic approach, cultural-historical criticism, linguistic stylistic and contrastive contrastive analysis.

Outcomes obtained and their novelty. The innovative concept of the dynamics in the paradigm of forms of psychologism as an open category in the 20th-century British novel has been developed for the first time. The basic paradigm is established which features phenomenological, scientific-analytical, conceptual and receptionist forms of psychologism, as well as their synthesis. Methods of fictional analysis – psychoanalytic and reader-response – have been improved for the purposes of novel analysis, interpretation of trends, evolution and novel development prospects; the terminology and fiction study tools for understanding psychologism have been clarified. H. Read’s and P. Barker’s work has been the subject of research for the first time in Belarus, and specific forms of scientific-analytical psychologism are identified in their fiction. In eighteen 20th-century British novels, fictional models of consciousness have been identified in the context of the scientific modus and consciousness epistemology: traumatic, ecological, “kaleidoscopic”, and also the “dotty” and “black” forms of psychologism. A typological analysis of some works of national and British novels is presented.

Recommendations on the application of the obtained outcomes. The outcomes of the dissertation can be used in the university syllabi in World Literature, lectures and practical courses, writing collective monographs and conducting seminars in the History of English Literature and Fiction Interpretation.

Area of application: History of World Literature, Literary Theory, Fiction Translation, Intercultural Communication.